

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ. СКАЗКИ И ПРИТЧИ

Яков Шафран
(г. Тула)

СТРОЙКА

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Член Академии российской литературы, член Союза писателей и переводчиков МГО СПР.

Живет, дышит стройка — растет объект, наращивает остов свой, а далее и стены, и облицовка появятся. И засверкает он на солнце окнами, улыбаясь хорошей погоде и хмурясь в ответ на пасмурную, дождливую. Но всегда зоркими будут глаза-видеокамеры, наблюдая окрест — не идет ли кто со злым умыслом. Да разве разглядишь умысел-то. Разве что потом облик восстановить можно по памяти-записи...

А пока что, как эмбрион в утробе матери, растет себе, через пуповину — трассу рабочую — втягивая в себя все необходимое для роста и развития, выпуская только порожнее и ненужное.

Требовательно взвывает мотор остановившегося у проходной грузовика, самосвала или бетономешалки. Потом машина замирает на пару минут, водитель вежливо ждет, куда сметливый прораб, держащий в уме весь текущий план стройки и все ее сиюминутные потребности, направит груз. А когда направление получено, машина спокойно, не торопясь, потрясывая формами, пыхтя и отдуваясь, нагруженная ценными материалами для роста эмбриона-здания, проезжает далее.

На входе-проходной, чертыхаясь то на жару, то на ветер, дождь и холод, сидят охранники и зорко следят — не пройдет ли, возможно, вредный чужеродный элемент для растущего организма, способный навредить или унести что-либо ценное. Они-то и получают распоряжения из прорабского мозга стройки, направляют необходимое по назначению. Вот и Виталий сейчас держит у уха рацию, слушает, что говорит прораб.

А рядом, как прокуренный насквозь курильщик, пыхтит бульдозер: долгий хриплый с клетотом и скрежетом вдох — набирает в свою «руку» крупный дорожный щебень — и сиплый короткий выдох — рассыпает на нужном месте и равняет его.

Вереница угрюмо-сосредоточенных рабочих, еще в «гражданке» движется вначале в городок, где стоят бытовки-вагончики, затем уже в спецовках — на стройку. Потом, в обратном порядке — на обед и уже веселее с обеда, а в конце смены, вечером, уставшие — домой. Разноцветье касок, желтые и оранжевые полосы на серых, зеленых и синих спецовках — словно по реке плывут сорванные где-то и брошенные в воду лепестки цветов.

Рабочие из Юго-Восточной, Центральной и Западной Украины, прекрасно уживающиеся друг с другом, Белоруссии, Молдавии, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, мало туляков. Есть даже люди с экзотическим сочетанием немецкой и киргизской крови — целая бригада. Далеко родной дом строителей, здесь живут в пригороде, в общежитиях, возят их на маршрутках. Тяжело вдали от родины, в чужой среде, особенно среднеазиатам. Потому так чувствительны на добро и улыбку. Отзываются ответной добротой и откровением.

— Сегодня в обед привезли бетон,— рассказывает высокий молодой белозубый парень-таджик,— пришлось работать без обеда.

— А что, позже нельзя было пообедать? — спрашивает Виталий.

— Не-не,— тянет он с обычной среднеазиатской интонацией.— Мы ходили... потом... обед уже вонал,— говорит.

«Какая чувствительность у них к свежести пищи»,— думает Виталий.

Недавно встретил он земляка с Гомельщины, из Светлогорска, недалеко от Брагина, где родился. Когда тот узнал, что дом Виталия в Туле, даже виден из строительного городка, сказал с тоской: «Хорошо, когда дом близко...»

Вечером все разошлись, разъехались, пусто стало, один ветер прохладный, приятный после испепеляющей дневной жары, завывает среди строительных конструкций, бытовок-вагончиков, веток деревьев дубовой посадки вдоль дороги и кустов и несет пыль дальше на восток, к поселку новых многоэтажных домов. Ветер неиссякаем, видимо, там, на юго-западе, откуда он дует, большой запас его сил.

Солнце садилось в перистые облака, и те переливались оттенками красного. Огромное небо нависло над опустевшей стройкой. И после дневного размеренного звучания разумно-целесообразно работающих, спящих по песку желтых машин раскладывающихся и складывающихся для перемещения на вертикали строителей для производства работ, наступила полная тишина, изредка прерываемая шумом проезжающих по шоссе авто, пением редких, еще сохранившихся птиц и лаем собак. Стая их прижилась, прикормилась на стройке, благодаря стараниям сердобольных рабочих. Среди них выделялась худющая, с впалыми боками и вечной тоской в глазах сука с уже подростками щенками. Все же хорошо чувствовать рядом живое, когда вас всего четверо на огромном, еще недавно кишевшем людьми пространстве под куполом начинающего темнеть вечернего неба.

То тут, то там в городе, что замер в отдалении, стали зажигаться огни, и вскоре он засиял их разноцветьем. А в небе так же постепенно стали появляться звезды.

Привезли генератор. Он долго не хотел заводиться от шнура, но, в конце концов, загрохотал, распугав собак и всех птиц по кустам, так что на верхней проходной никого рядом на ночь не осталось. Ничего уже не было и слышно от его шума. Зажегся фонарь и свет в вагончике, и сразу темнота вокруг усилилась и окутала все, кроме яркого большого пятна света от фонаря и блестящего огнями вдали города. Небо стало совсем черным, и обильные звезды повисли над землей, словно протяни руку и возьмишь. И то ли ветер сменился на северный, то ли что, но сразу похолодало.

Казалось, дневная жара была давным-давно, в другое время года. На ум Виталию пришли строчки, сочиненные днем:

*Как стара дева от скорбей —
Давно без женихов,—
Земля иссякла без дождей.
Но дул пустынный суховей
И песню нес песков.*

Ночь прошла спокойно, без происшествий. Как будто утекла незаметно куда-то. Небо на северо-востоке засветилось рассветом. И уже в семь утра вереница рабочих людей, уставших за предыдущий двенадцатичасовой трудовой день на солнце и ветру, поев и поспав, но не отдохнув как следует, вновь с притухшими сердцами и тоскливыми взглядами, молча, шли на такой же изо дня в день труд. Еще стояла тишина, не было слышно гудения машин и механизмов, только шелест шин проезжающего на машинах начальства и стук башмаков молчаливых строителей нарушали ее.

Прошло минут тридцать, и, шепча что-то и побряхтывая, самосвал начал высыпать щебень, а затем, довольно похлопывая себя навесной крышкой по корме, отъехал. Щебенка переливается в косых лучах солнца золотистым и серебристым оттенками, в зависимости от породы. Бульдозер тут же усердно и проворно растаскивает ее по площадке.

Люди идут и идут. Кто-то кивает, кто-то говорит слова приветствия, но большинство идет молча. Только один человек, Володя-энергетик — добрый, он и есть добрый — всегда подойдет с улыбкой и хорошим словом и поздоровается с каждым охранником за руку.

Глядит Виталий поверх голов, и взору открывается огромная стройка, за пять лет самая крупная в городе. Стоят вздыбленные над землей крупные сваи и башенные краны. Кое-где даже видны перекрытия. Энергией и рабочими руками строителей, умом и сметливой хваткой инженеров и прорабов, усилиями приводимой в ход и разумное действие техники возводится величайшее во всей истории города здание. И здание это — будущий торгово-развлекательный комплекс — ни много, ни мало — «Гипергалактика».

А вокруг, как ни в чем не бывало, цветет желтый репешок, голубой цикорий и лиловый иван-чай (кипрей). Только вот все кустарники и растения под толстым слоем пыли — от работ, проезжающих машин, щебня и песка — и выглядят блеклыми.

Но совсем недалеко, в километре, рядом с поселком новых домов, в овраге — зона как бы не от мира сего: свежий воздух, свежая зеленая растительность, благоухание цветущих трав... и родник. А рядом два креста в честь двух святых. Родник ухожен заботливыми руками, и дает людям чистую вкусную и целебную воду.

Варвара Русакова
(г. Узловая Тульской обл.)

УТРО НАЧАЛОСЬ С ГРОХОТА

Маринка проснулась от того, что домишко, в котором она жила, ощутимо трянуло. Она зажмурилась посильнее, прислушиваясь к выстрелам, раздающимся с периодичностью в пару минут и тихонько выдохнула. За долгие дни, наполненные страхом и отчаянием, она уже научилась различать, близко ли подошли войска, каков шанс, что дом не разворотит бомбой, как это случилось с ее соседями, Воронцовыми. Маринка вздрогнула, вспоминая полыхающее небо и черный снаряд, угодивший ровнехонько в крышу дома, где жила Ольга, ровесница ее матери, и Мишенька, ее маленький сынок, вихрастый, тихонький мальчишка, с которым Маринка иногда сидела, пока Ольга стояла в очереди за хлебом. Однажды она спросила, кем он хочет стать, когда закончится война. Мишенька посмотрел на нее серьезными зелеными глазами и ответил, что хочет быть пекарем, ведь тогда он сможет приносить маме сколько угодно хлеба. Маринка постаралась улыбнуться и сказала, что он будет самым лучшим пекарем в мире.

А потом было полыхающее небо и тлеющие угли — все, что осталось от дома, где беспокойно спал маленький мальчик и его мама.

Маринка поежилась от страшных воспоминаний и решительно открыла глаза, снова прислушиваясь к звукам — не раздастся ли страшный свист налетающей смерти? Но все утихло, и она поднялась с постели. Нет, нельзя ей было лежать, никак нельзя. Вот так залежишься, уснешь, и смерть не задержится, протянув свои костлявые руки. Да, Маринка прекрасно знала это, поэтому начала двигаться, осторожно подойдя к жестяному ведру с водой, стоявшему на лавке. Каждое утро, она начинала с умывания, чтобы согнать паутину ночных кошмаров, которые преследовали ее каждую ночь, и немного взбодриться. Воду Маринка таскала сама из крепкого колодца, который сделал еще ее дед. Слабые руки, которые изрядно похудели из-за долгого голода, разумеется, не могли вытащить много, но и этого хватало.

После она присела на скамейку, тоскливо осматривая комнату. Стояла гробовая тишина, не нарушаемая даже ходом часов. Когда это они успели остановиться? Может, тогда, когда первые выстрелы раздалась за зеленой рощицей, в которой летом Маринка с подружками собирала такую вкусную землянику? А может, тогда, когда мама плакала, уткнув лицо в фартук, а отец, постаревший и посуровевший, в зеленой гимнастерке, сурово смотрел куда-то вверх, нервно теребя в руках и без того мятую повестку?..

Неожиданно часы поплыли, исчезли из поля зрения, и только тогда она поняла, что плачет, и горькие, горькие слезы стекают по щекам. Маринка шмыгнула носом и мысленно отругала себя. Нет, не раскисать, не сдаваться, нужно жить, обязательно нужно жить и работать, а иначе к чему все это? Зачем воюет ее отец и сотни других воинов? Уж точно не для того, чтобы люди сидели и плакались на судьбу. Что бы ни

случилось, какая бы беда не стучалась в дверь, нельзя опускать руки. Маринка крепко усвоила это, эту последнюю фразу, которую сказал отец, стоя у пыльного грузовика, с минуты на минуту готового увезти его туда, на фронт, на передовую.

Поэтому, собравшись с силами, она двинулась к печи. Ее уже давным-давно никто не разжигал: не было дров, но в ней хранились те скудные запасы еды, что имела Маринка. Это пара крохотных кусочков хлеба, завернутых в бумагу. На сегодня запланировано слишком много дел, и, чтобы не упасть по дороге в голодный обморок, необходимо было хоть немного поесть.

Если бы кто-то спросил у Маринки, какая вещь в ее доме сейчас представляет наибольшую ценность, то она бы ответила — хлеб. Эти черствые кусочки, в которых почти не было муки, помогали не растерять остатки сил. Да, силы Маринке нужны.

Осторожно, не уронив ни крошечки, она съела ломтик, поднимаясь с места. Хорошо, теперь ее ждала школа.

Война, так неожиданно пришедшая в небольшой поселок Старвино, застала Маринку в десятом, последнем классе. Она помнит, с каким нетерпением ждала этот год, как, вместе с лучшей подругой Катей, которая была старше ее на полгода, мечтали, что уедут в большой город — Москву. Катя очень хотела поступить в медицинский университет и стать хорошим врачом. А вот Маринка грезил о Художественной академии. Рисовала она ровно столько, сколько помнит себя. Сначала, в детстве, непослушные каракульки, после, в школе, под руководством их учительницы, она начала узнавать основы рисунка, и получалось у Маринки очень даже неплохо. Учительница, заметив искру таланта в ученице, поощряла ее, давала более сложные задания, чем всем остальным. Но Маринке нравилось это, нравилось смешивать краски, находя нужный оттенок для изображения полуденного солнца или нужный угол для изящной гипсовой статуэтки. И она еще в прошлом году окончательно уверилась в том, что именно рисование — ее призвание.

Но это было до того, как зеленые листочки лип загорелись от невыносимого жара огня, что сжег рожицу одним махом, выставляя напоказ жителям Старвино грозные дула пушек танков, а Катя, надев повязку медсестры, уехала туда, куда до этого отправился ее папа.

Но прекращать учиться Маринка не желала. Она была уверена, что не сегодня, завтра, война закончится, наши воины разобьют захватчиков. А поэтому школа была ей необходима, ведь в глубине души, несмотря на то, что краски давно пылятся в сундуке, что альбомы погорели в печке, мечта стать художником не угасала.

Маринка выскользнула из дома, прикрывая дверь. Теперь не было нужды запирать ее. Что можно украсть у бедной девчонки?

Здание школы разбомбили ровно через неделю после начала обстрелов. Тогда она сильно пугалась постоянных взрывов и канонад, вздрагивая всем телом при каждом ударе, уверенная, что уж следующая бомба попадет в их дом, а мама успокаивала дочь, обнимая и тихонько баюкая, словно в раннем детстве, только вместо песенок и колыбельных нашептывала: «Не бойся, не бойся, это далеко стреляют, до нас не дойдут, мы тут, мы живы, не бойся». И Маринка верила, потому что больше и некому было верить, засыпая в теплых маминых руках. Это было тогда, в самом начале войны, душным летом сорок первого.

А сейчас? Что ей делать сейчас, когда обстрелы не прекращаются чаще, чем на день, когда некому обнять и утешить, когда за окном метет метель и завывает злой и колючий январский ветер? Только обхватить себя руками покрепче, и, свернувшись в клубочек, надеяться на то, что не ты следующий, что не твой дом сейчас запыляется жарким пламенем...

Мамы не стало прошлым летом. Тогда Маринка сидела дома, а она решила не-

надолго выйти на улицу. Хлеб кончился, а дочка сидела на воде уже третьи сутки. Вражеская армия не подавала никаких признаков жизни уже второй день, поэтому мама посчитала, что ничего страшного не случится, если она сбегает до магазинчика, где строго по карточкам выдавались те кусочки хлеба, которыми и жила их маленькая семья.

Маринка смотрела в окно, ожидая прихода матери, когда случилось это. Все вокруг завывало, загрохотало, те люди, что находились на улице, пригибаясь, поспешно спасались от минометного обстрела. Среди них была и мама. Маринка вскочила, заметив кусок цветастого, полинялого платья, ставшего неожиданно ярким под косыми лучами солнца... И все. Она осталась там, на пыльной дороге, словно подбитая в полете птица: раскинутые в стороны руки, распахнутые в испуге глаза и ярко-красное пятно, расплывшееся на спине... А в карманчике тот злосчастный хлеб, так бережно завернутый в бумажку.

Маринка посиленнее закуталась в толстый теплый платок, упорно пробираясь сквозь высокие сугробы, наметенные еще вчера ночью. Крохотный подвальчик в бывшем магазине детских игрушек, который теперь и был школой, находился на другом конце села. Дойти туда, порой, было почти невозможно, однако она и не ходила одна. Вот и сейчас впереди замаячила высокая темная фигура ее одноклассника, Гоши Смородинова. Парень, как и Маринка, тоже продолжал учиться, однако причины у него были совсем другими. Дело в том, что, когда началась всеобщая мобилизация, Гоша, как и другие мужчины и парни, пошел в комиссию. Он знал, что не подходит по возрасту, однако надеялся, что из-за нехватки людей командир сделает ему исключение.

Но суровый седой мужчина с тонкими губами, не оправдал надежд Гоши. «Нет, сынок, рано тебе еще, пожить тебе надо, успеешь навоеваться». Так сказал майор и позвал следующего.

И что только не делал парень, чтобы попасть на фронт, да только каждый раз его возвращали матери, изрядно похудевшей и постаревшей от горя. И теперь Гоша, мучаясь от бессилия, вместе с Маринкой начал посещать занятия. «Вот выучусь, буду конструктором самолетов, тогда и посмотрят все эти, какой я маленький»,— бурчал парень, с завидным упорством решая сложные тригонометрические уравнения, которые давала учительница по математике, молоденькая София Сергеевна.

— Привет, ну, как ты, держишься? — парень крепко взял Маринку за руку. Видел, как пошатывалась она, каким бледным было ее лицо. Она посмотрела на друга с благодарностью, и они, не размыкая рук, пошли по едва протоптанной дороге.

— Нормально, только карандаш кончается, боюсь, писать будет нечем. Да и газеты уже давно кончились.

— Ничего, у меня еще осталось немного бумаги, мамка хотела сжечь, но я не дал. Есть еще что спалить в печке,— хмуро кивнул Гоша.

— Да, а твои...— Маринка немного помялась, как впрочем, и каждый раз, задавая этот вопрос. Никогда не знаешь, какой можно получить ответ, кто еще из дорогих людей не проснулся, встречая новый день.

— Все живы. Ты приходи к нам, а то мама каждый раз спрашивает, зовет тебя.

— Может быть,— уклончиво ответила Маринка.

Она прекрасно знала, что не придет, не желая становится обузой для матери друга и его трех сестреноч. Знал это и Гоша, но каждый раз спрашивал, словно в этот раз все могло измениться.

— А твой? Не пишет? — Гоша имел в виду отца Маринки, который уже много месяцев не подавал о себе никаких вестей.

— Нет. Не пишет.

Остальной путь они проделали в молчании. Не потому, что говорить было не о чем, а просто, чтобы сэкономить силы.

Дверь в подвальчик открывалась с долгим, протяжным скрипом, похожим на тонкий плач. Ступеньки, перила, тусклый, мигающий фонарь, едва освещающий каменный свод,— все было покрыто белым инеем. Гоша и Маринка осторожно спустились вниз, по-прежнему держась друг за друга.

В комнатухе, гордо именуемой классом, были только София Сергеевна да пара ребятишек семи-восьми лет. Она оторвала взгляд от тетради и устало улыбнулась им. Она совсем молодая, только отучилась в институте и по распределению приехала сюда обучать сельских детишек математике. А теперь... теперь ей нужно было не только продолжать делать свое дело в таких-то нечеловеческих условиях, но и поддерживать ребят, не намного моложе ее самой, не дать им зачахнуть, опустить руки, несмотря на то, что родители, оставшиеся в Москве, в последний раз писали еще прошлой зимой. Несмотря ни на что. Вот такая непростая задача лежала на таких хрупких плечах. Поэтому и нужно было улыбаться Софье Сергеевне, несмотря на холод и отсутствие хлеба дома: последний кусок она отдала маленькому ученику, от слабости не держащего уголек, которым приходилось писать вместо карандашей и ручек.

— Проходите, ребята. Сейчас я дам вам задание.

Спустя три часа в комнате остались только учительница, Маринка и Гоша. Парень оторвался от тетради, задумчиво почесывая затылок и нерешительно поглядывая на Софию Сергеевну. Она заметила это и поинтересовалась:

— Что-то не получается, Гоша?

— Да нет, спросить хотел, не по математике. Личный вопрос.

— Личный? — учительница подышала на руки, потирая их, и кивнула. Холод все-таки был жуткий.

— Что же, пусть будет личный. Задавай.

— Как вы думаете, мы, ну вот я, вы, Маринка,— парень повел рукой на подружку,— все мы. Мы выживем?

Учительница замерла. Она старалась не думать об этом, о тех детях, что больше не приходили на уроки, о матерях, что иногда встречались ей на улице, о том, что выглядели они абсолютно потерянными от горя. Не думать о хлебе, которого нет в доме, не думать о болезненно выпирающих скулах Маринки, о Гоше, что сам, еле стоя на ногах, держал свою подружку за руку, помогая пройти тяжелый спуск.

Но как не думать об этом? Как можно закрыть на это глаза? Это же дети, маленькие и чуть взрослее, но дети! И что она могла сказать сейчас им, внимательно смотрящим сейчас на нее своими глазами? Почему она, где все те генералы и маршалы, что затеяли все это? Почему они не ответят?

— Я не знаю,— устало вздохнула она.— Правда, не знаю. Но я очень на это надеюсь.

— Мы должны,— Маринка сжала ладошки в кулачки, словно приготовившись защищать что-то.— У нас просто нет права погибнуть сейчас. Знаете,— она задумчиво выдохнула,— я очень хочу рисовать. Я так давно не рисовала. Не хочется сейчас, во время войны, хотя я и скучаю,— она растерянно вздохнула.— Да, я вот очень хочу жить, очень. Хочу в первый же вечер после войны нарисовать закат. Он будет очень красивым, знаете,— и Маринка робко улыбнулась одними уголками губ.— Самым красивым на земле.

Учительница вздрогнула, закусив губы, чтобы, не дай Бог, позволить слезам, жгущим глаза, скатиться по щекам и не позволить увидеть этим мужественным детям ее слабость.

— Да, ты права. Закат будет прекрасным.

— Я знаю, война совсем скоро закончится, и я поеду в Москву. У меня там тетка живет, может, и примет.

Маринка шла, чуть пригнувшись и временами оглядываясь.

— На художницу хочешь поступать? — Гоша пересек главную дорогу, раньше всегда полную движения, шедших людей, а сейчас непривычно пустую. Как и все село, она казалась вымершей.

— А что, не одобряешь? Думаешь, не получится? — Маринка посмотрела на друга вопросительно и с вызовом.

— Не говори чепухи, видел я рисунок твой, на школьной выставке. У тебя большой талантище, чего уж тут, — Гоша нахмурил брови. — Только не в этом дело. Не думаешь ты, что рисунки твои никому нужны не будут? После войны-то? Люди же совсем другим будут озабочены, понимаешь? Дома строить, хозяйство восстанавливать. А не картинки покупать. Вот в чем дело.

— Я тебя поняла, — Маринка покачала головой, скорбно поджав губы. — Только вот одного ты не понимаешь: люди устали от войны, от всего этого ужаса, от убийств и крови, — она говорила, все больше распаляясь. — Этот кошмар изо дня в день, смерть, которая ходит за каждым. Душа устала у всех. А если я смогу помочь хоть кому-нибудь вспомнить о том, кто мы... Мы же люди, Гош, не убийцы, не танки и пушки привычны для нас. Мы не должны ни умирать, ни видеть смерть! Это же не правильно! И я хочу напомнить людям, кто мы такие, помочь зацвести душе, не стать сердцу камнем... Мне большего и не надо, никаких денег. Что, плохая цель? — Маринка выдохнула.

Гоша раскрыл рот, чтобы ответить, но почему-то замолчал, глядя куда-то в сторону.

— Смотри, это человек лежит? — Он указал рукой в сторону сугроба, где в действительности лежала маленькая человеческая фигурка.

— Кажется... Пошли быстрее, может, мы еще помочь сможем.

Фигура оказалась маленькой девочкой, тщательно закутанной во всевозможные тряпки. Маринка проверила, бьется ли под кожей пульс, и с облегчением выдохнула, поняв, что малютка жива.

— Давай, нам нужно привести ее в чувство.

— А может, отнести куда-нибудь в тепло? — Гоша с сомнением смотрел на девочку.

— Мы не сможем, — тихо ответила Маринка.

Гоша склонился над тельцем, осторожно похлопывая ее по щекам.

— Ну, давай, просыпайся, маленькая, мы не оставим тут тебя. Давай, хорошая моя, открой глазки.

И девочка с трудом пошевелилась:

— Папа, папа это ты?

Ребята переглянулись с облегчением, поднимая ее на ножки. Они не знали, сколько она пробыла на холоде, но нужно было идти домой, в тепло.

— Нет, милая, это не папа. Я Гоша, — парень присел на корточки, смотря в лицо крохе. — Почему ты тут одна? Где твои родители?

— Я... Я не знаю, — девчушка растерянно смотрела на своих спасителей. — Мама ушла, вчера еще. Она сказала, что скоро вернется. Но не вернулась, — в глазенках ребенка был страх. — И папа ушел, давно-давно. Я не знаю куда, но мне стало так страшно. И я пошла искать их. Куда пропала мама? Вы знаете, куда? — Девочка шмыгала носиком, глаза ее блестели от подступающих слез. Маринка прикрыла глаза, узнавая в крохе себя, свои чувства. Перед глазами снова мелькнул кусок цветастого платья... Этого оказалось достаточно.

— Я знаю, где твоя мама,— она наклонилась к девочке, беря ее ручки в свои.— Она немного задерживается, но скоро должна прийти, не бойся, хорошо?

— Правда? Вы точно знаете? — Малютка смотрела с надеждой на взрослую девочку.

— Конечно, знаю. А сейчас мы пойдем ко мне домой, и, пока мама не придет, будем вместе ждать ее. Ты же можешь идти со мной? — Маринка осторожно оглаживала плечики ребенка.

— Да, давайте пойдем. А как вас зовут? Меня Соня. А Гоша пойдет с нами? Он похож на моего папу.

Соня накрепко схватилась за руку Маринки, смотря на нее снизу вверх.

— Я Марина, очень рада с тобой познакомиться. Нет, Гоша не пойдет с нами, он занят.

Маринка выразительно посмотрела на хмурящегося друга, покачав головой. Никаких вопросов и сомнений. Она возьмет девочку с собой, а потом... Что случится, то и случится.

Когда Маринка с Соней добрались до ее дома, сил у обеих почти не было. И перебирая ногами по белой дороге, сжимая крохотную ручку в своей руке, Маринка боялась. Не за себя, за жизнь, что зависит от нее. Она взяла на себя огромную ответственность и теперь должна оберегать девочку, не дать ей пропасть. А как? Этот вопрос назойливо стучал в ее голове, и ответа на него не было. Было только осознание того, что она должна сделать все, но не дать увянуть этому еще не распустившемуся цветочку. И, наверное, только это и помогло справиться со сном и уже почти привычным чувством голода.

— Марина, где же твоя мама? — Соня удивленно осмотрела нехитрое убранство дома.

— А она работает,— Маринка усадила девочку на широкую скамью.— Ты кушать хочешь?

— Можно? — Соня удивленно и радостно распахнула глаза.

— Конечно,— и Маринка, погладив ребенка по щеке, достала из укромного уголка тот самый запас хлеба, что должен был служить ей не меньше трех дней. Вода в кружке и хлеб — вот и весь скудный ужин, но Соня ела с таким трепетом и осторожностью, словно это дорогие блюда, что видела Маринка, проходя мимо дорогого ресторана в тот, единственный раз, когда папа возил их в город за новым школьным платьем.

Когда со скудным ужином было покончено, а Соня лежала, свернувшись калачиком, на печке, Маринка гладила пушистые волосики цвета льна. Мысли о том, куда же деть девочку, не покидали ее. Из расспросов Маринка поняла, что родителями крохи была супружеская пара, которую она иногда видела в очереди за хлебом. Вчера женщину с такими же красивыми волосами, что и у дочери, нашли насмерть замерзшей за углом магазина.

Но разве скажешь это ребенку? И Маринка думала, что же ей сделать. Кто возьмет еще один голодный рот? Сама она не могла, как бы ни хотела, взять Сонечку к себе. Как? Она сама еле сводила концы с концами.

— Марина,— вдруг окликнула ее девочка.

— Да, что такое? — она наклонилась к Соне.

— А если мама не вернется, то ты будешь моей новой мамой, да?

Маринка крепко зажмурилась. Ах, проклятая война! Что же ты делаешь?

— Не думай ни о чем, просто засыпай, хорошо? — и ласково поцеловала в щечку.

Маринка лежала, рассматривая темные пятна на потолке.

Разумеется, Соня не осталась с ней. Когда девочка крепко спала, Маринка собра-

лась и пошла к соседке, старенькой Марье Алексеевне. Старушка часто помогала ей, и поэтому она надеялась, что не откажет и на этот раз.

Так и случилось. Марья Алексеевна даже обрадовалась. Все не так плохо, чем жить одной, да и о сиротке она позаботится. Маринка вздохнула с облегчением. Теперь она могла не бояться за судьбу крохи. Сонечка заставила ее пообещать приходить каждый день, потому что она «такая красивая, и добрая, как мама».

Тоска накатила неожиданно, так захотелось заплакать, закричать. Все, что произошло: и смерть матери, и пропажа отца, и разрывы снарядов — все вдруг сдавило хрупкое сердце Маринки. И страшно ей было, и горько, и больно. Никого, никого не было рядом, чтобы успокоить ее, еще девочку, взвалившую на себя все тяготы, что не каждый взрослый выдержит. Слезы, так тщательно сдерживаемые, текли по щекам, Маринка сжалась в крохотный комочек, тихо воя от боли. Ей хотелось жить, хотелось встречать рассветы, учиться и работать, ей хотелось любить, а не собирать в руках осколки прежней жизни, надеясь на следующий день. Что ее ждет там? Если папа не вернется? Как ей жить, зная, что нет больше родных рядом? Как жить после этих полыхающих закатов и крови на пыльной дороге?

А потом Маринке стало легче, будто чья-то невидимая рука сняла тяжкий груз с сердца. Боль начала уходить в темноту, а потом она увидела маму. В своем самом нарядном платье она с любовью смотрела на дочь.

— Мама! — Маринка протянула к ней руки. Вот же она, живая и здоровая! — Мама, я так скучаю. Мне страшно, мне так страшно!

И мама подошла к дочери и совсем, как в детстве, сжала ее в объятиях, ласково поглаживая худую спину. Глаза женщины поблескивали, пока она тихо напевала слова старой колыбельной, баюкая свое дитя.

— Не бойся, родная, я с тобой. Нам нечего бояться. Хорошо? Все закончилось, теперь нас никто не потревожит. Спи, спи, моя хорошая. Все прошло.

И все действительно прошло.

А на следующий день танки ворвались в село. Воины нашей армии наконец-то прорвались сквозь кольцо врага. Жители плакали, обнимая усталых солдат.

Весной снег стаял, обнажая черные руины и голую землю, на которой, впрочем, появились первые цветы — желтенькие головки мать-и-мачехи. Это было начало новой жизни.

А еще через пять лет в разросшемся селе зацвели вишни. Пышные, белоснежные шапки были повсюду, роняя свои лепестки, словно нежные слезы. Слезы по всем тем, кто не дожил до этой весны.

Статный, молодой мужчина в военной форме стоял у небольшого могильного холмика с покосившимся крестом, полностью усеянным лепестками. Он не плакал, лишь перебирал нежные цветы пальцами и шептал:

— Эх, Маринка, Маринка, как ты была права. Тогда, после войны, самый красивый закат был. Тебе бы понравился. Где же теперь твои закаты, где?

Алексей Яшин
(г. Тула)

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТОРГ, ИЛИ ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ*

Злодейства крупные и серьезные нередко именуются блестящими и в качестве таковых заносятся на скрижали Истории. Злодейства же малые и шуточные именуются срамными, и не только Историю в заблуждение не вводят, но и от современников не получают похвалы...

Топтыгин 1-й отлично это понимал... За это Лев произвел его в майорский чин и, в виде временной меры, послал в дальний лес, вроде как воеводой, внутренних супостатов усмирять.

М. Е. Салтыков-Щедрин.

Сказки: Медведь на воеводстве. 1. Топтыгин 1-ый

◆ Игорь Васильевич в это декабрьское темное утро проснулся еще за полчаса до исполнения кухонным динамиком — памяти о советском времени — гимна в третьей михалковской редакции слов. Зима началась — спохватилась поздно, но за прошедшую ночь мороз-воевода приказал законному градуснику прыгнуть вниз по спиртовому столбику сразу на десяток делений. Оттого и сон, напугавшись утреннего холода, убежал от опального профессора так рано. Многозначительно ухмыльнувшись, вспомнил значимость сегодняшней даты: исполнился ровно год с начала его университетского импичмента — с раннего звонка о лжесгоревшей даче. Давно улеглись страсти, серьезный народ в университете давно понял подоплеку его опалы, только административные бабы из главного корпуса устойчиво кривились при случайной встрече. Он на них не обижался, жалел их по-своему: тяжелая нравственно служба у младшего чиновного аппарата! Зато напрочь выкинул из памяти не только ФИО, но и сами виды морды лиц тех «добрых» факультетских коллег, что по сговору забаллотировали его на профессорских перевыборах. И все их не поминал недобрым словом. Знал — бог, или кто там Вселенную раскручивает, по своей инициативе их накажет. Только год прошел, а трех из десяти проголосовавших супротивников уже помнил своим «мене фарес такел»^{**}: один срочно переехал в другой город — любил «купоны стричь»; одна схлопотала выговор по универу за нарушение учебно-преподавательской дисциплины; еще одну бросил муж, женившись на молоденькой аспирантке... Да и остальные на очереди.

Все же от неприятных воспоминаний отвлек личный домашний кот — в отличие от прокофьичева полосатого Мичмана, этот зимой надевал лохматую, как у мамонта, шу-

* Из романа-новеллино Алексея Яшина «Административный восторг, или картинки с выставки» (текст романа см. на сайте www.pz.tula.ru).

** Библейская надпись на стене, предвещающая, что «дни твои сочены, грехи подсчитаны» — начало соответствующей фразы на арамейском языке.

бу и налогоплательщиком не состоял. Явное пока упущение городских властей. Хотя по тому же кухонному динамичу уже второй год грозятся исправить это недочет.

Коту не до тонкостей редакций слов гимна Михалкова-старшего,— он уже с середины ночи ощущает приступы аппетита в своей пищеварительной системе. Покормив автономного друга человека (женщина и собака — полуавтономные), принялся и себя готовить к трудовому дню. Пришел в корпус настолько рано, что еще не успела смениться со вчерашних «суток» моложавая охранница Наташа, которая симпатизировала процессору. Он ей также, но с комсомольской половозрелой юности дал урок: с замужними девушками-женщинами ограничиваться только словесными любезностями... Наука юношей питает.

До двенадцати трудился над третьей главой новой монографии при закрытой двери в кабинет, хотя замкнутое пространство не особо уважал. Зато дверь, да еще обитая его предшественником, профессором азербайджанского происхождения, снаружи кровельным железом, заглушала гортанные, по-аульи громкие голоса абреков-арабов, кавказцев и среднеазиатов — нынешнего преобладающего студенческого контингента. Двенадцать часов — адмиральский час в университете: все и вся загибают на обеденный перерыв. Игорь Васильевич наконец-то приотворил дверь. На душе тотчас похорошело, а голова мигом выдала на-гора формулировку замысловатой теоремы о гомосексуальном будущем злонаказанного богом человечества. Усмехнувшись, вспомнил недавние слова президента: вот, мол, Берлускони дали срок за связь с женщинами, а был бы он гомосексуалистом, так никто бы к нему никаких претензий не имел. Что-то в этом роде.

Однако раннее пробуждение и, соответственно, завтрак в половине седьмого, давали о себе знать. Достал из кабинетного маленького, так называемого «студенческого», холодильника «Морозко — 3М» колбасу, сыр, сало с солидной мясной прослойкой, а из шкафчика — вчерашнего припаса булку, соорудил горку бутербродов. Пообедал, запивая ранее заваренным чаем.

◆ За чаем просмотрел городскую газету, которую ему при входе в корпус вручила давешняя Наташа — из стопки, что разносили рано утром по факультетам университета: бесплатно и для пользы сотрудников, давно поотвыкших от чтения чего-либо стоящего.

Этот номер «Городских вестей» произвел на Игоря Васильевича некое двойственное, точнее — двусмысленное впечатление. На первой странице, на фото из зала судебного заседания после оглашения приговора донельзя растерянный бывший губернатор Тетеря протягивал только что снятый пятисотдолларовый галстук сержанту-охраннику. Шапкой над фото стояли слова экс-губернатора: «Десять лет зоны — это беспредел!»

Двусмысленность же впечатления Игоря Васильевича объяснялась как, действительно, слишком сурово-показательным сроком за такой по нынешним временам пустяк, как попытка взятки в пятьдесят миллионов — даже не «зеленых», но всего лишь купюр с видами города Хабаровска, так и определенной степенью знакомства профессора с Вадимом Владимировичем.

...Впервые запоминающуюся фамилию Тетери Игорь Васильевич услышал, начав некогда инженерную работу в *НПО «Меткость»*, где Вадим Владимирович занимал средневысокую административную должность. Запомнилось с тех лет: когда бы руководитель группы, а в последние два года службы в *НПО* — начальник патентного сектора Скородумов ни заходил в общую приемную академика Гусакова и главного инженера, чтобы сдать общей же их секретарше командировочное удостоверение, заявку на авторское свидетельство, какую иную бумагу, непременно встречал там моложавого Тетерю. Вадим Владимирович бережно держал обеими руками бланочный листок бумаги с несколькими строками напечатанного текста. Топтался, казенно

любезничал с секретаршей, ждал прихода Гусакова или главного инженера. Матерая, с явно пробивающимися усиками Елена Анатольевна, выслушав пристойный анекдот Тетери, смеялась раскованно: «Скучный у нас народ! А вот зайдет хохол или еврей, так на душе веселее становится!»

Еще из бесед все и вся на свете знающих женщин-коллег Игорь Васильевич знал, что достаточно успешной карьере Тетеря обязан должности своего отца — директора областного треста «Промстрой». Как раз в последние два года именно этот трест строил два огромных здания — конструкторский и производственный корпуса — на территории *НПО*: прежняя «жилплощадь» «Меткости», построенная наскоро еще в пятидесятые годы, уже не справлялась с обилием заказов Минобороны на ракетно-пушечное оружие. В последнее десятилетие советской власти она, родимая, разогнала до высшего предела сталинский промышленный и военный задел! И мать перспективного административного работника Вадима Владимировича была далеко не последней в областном же финансовом управлении. Словом, Тетере с родителями повезло, да и сам был он по-хохлацки человек хватистый и истинный службист. Та же матерая Елена Анатольевна похохатывала: «Ну-у, Вадим Владимирович, ты как тот срочник в армии: если хохол демобилизуется без сержантских лычек, так невеста ему в селе гарбуза выкатит! Конечно, место шефа нашего тебе далеко не светит, но со временем в обкоме или в облсполкоме не последним, а то и первым будешь. Помяни мои слова: я не Ванга болгарская, тем более по возрасту, но и *Сам* порой к моим словам прислушивается».

Тетеря горделиво улыбался, но словно бы оправдывался. Мол, куда нам, сирым да убогим, дай везенья нынешнюю свою должностишку сохранить!

Уже когда Игорь Васильевич уволился из «Меткости», чтобы защитить докторскую диссертацию вдали бдительного ока академика Гусакова, случилась авария с машиной, на которой главный инженер и Тетеря мчались поздним темным зимним вечером в Москву — на срочный вызов в свой главк Минобороны. Где-то в районе Климовска — Подольска их «Волга» врезалась в кучу строительного гравия, насыпанного на ремонтируемый участок дороги, а лампочка ограждения нехотючи перегорела.

Увы, сердце главного инженера не выдержало бескровной в сущности аварии; сам Тетеря отделался ушибами. Гусаков же, обладавший качеством черного юмора, объявил ему, что раз ты угробил Главного, так и садись теперь в его кресло! На несколько лицемерное возражение того об отсутствии практики занятия техникой и наукой, Гусаков поставил точку: мол, ты мне нужен как погоняла-администратор, а техникой у нас есть кому заниматься. Наукой тож.

Игорь Васильевич дорабатывал последний год замдиректора в разваливающемся на глазах медико-биологическом НИИ, когда истек последний же год нахождения у власти прежнего, всенародно избранного губернатора, а Кремль для усиления вертикали власти вместо выборов узаконил назначение глав субъектов сверху. Местный народ и даже Интернет как-то глухо, с видимым недоумением, обсуждали случившееся назначение Тетери новым губернатором: не политика, не бывшего секретаря обкома... словом, никого, обычного главного инженера! Чем-то он приглянулся верховной власти. Неподцензурный Интернет и вовсе такую подспудную конспирологию принял, что люди старой закалки даже и читать на экранах мониторов даже дома за запертой дверью опасались... А главный городской поэт Гриша Шагалин пустил в обращение подпольное четверостишие:

*Эх, Вадимушка-Вадим,
Кто ж тебя пометил,
Из Москвы за двести верст
Зорко так заметил?*

◆ И здесь судьба свела Игоря Васильевича с Тетерей, уже губернатором. Дело в том, что директор *НИИ*, начальник Скородумова, в первый же месяц правления Вадима Владимировича сумел попасть на прием к нему: как опытный администратор, Тетеря завоевывал доверие и благожелательность народа личным общением. То есть первый квартал в новой должности он отвел на поездки по области, выезды на городские объекты, а два-три дня в неделю от зари до зари принимал более или менее заметных и серьезных людей.

Конечно, в таком общении с народом Вадим Владимирович мало чем отличался от старинных наших партсекретарей и партторгов. Те уважительно, подтверждающе кивая головой с искусной партноменклатурной стрижкой, выслушивали пришедшего на прием, что-то деловито помечая в своем блокноте, заверяли, глядя честными глазами* на посетителя, что меры будут приняты тотчас, незамедлительно, дело взято под личный контроль и пр.

Пожав руку просителю, непременно и сердечно своими обеими, заверив в совершенном к нему уважении, партбосс, отечески полубняв обласканного им ликующего посетителя, провожает его до тамбурных дверей. Вернувшись в свое кресло, партийный начальник пару секунд глядит в потолок и тотчас полностью и навсегда забывает о состоявшейся беседе.

Но начальника Скородумова губернатор выслушал внимательно. Во-первых, тот был известным в городе человеком, ученым и организатором, а главное — заинтересовал Вадима Владимировича, как «выпускника» военно-промышленного комплекса, одной разработкой Игоря Васильевича двойного применения: медико-биологического и военного.

...В назначенный для визита губернатора в *НИИ* день вместо обещанного полудня тот прибыл к концу рабочего дня, небрежно сославшись на два внеплановых заседания в администрации области и беседу с приехавшим «без звонка» столичным ответственным «Газпрома». Тетерю с небольшой его свитой провели в биографическую лабораторию, где Игорь Васильевич со своими подчиненными и аспирантами уже давно, загодя подготовили стенд, расставили клетки с экспериментальными крысами, специально выведенными для опытов, спокойными, любящими кормление из рук человека.

Скородумов поздоровался с губернатором. Тот пристально посмотрел на профессора, поинтересовался: не работал ли тот в «Меткости»? Получив утвердительный ответ, поздоровался за руку, отечески коснувшись его плеча. Все повеселели, напряженность официальности сгладилась. И опыт удался. Директор жестом отправил нижних чинов за дверь, завязалась беседа о возможном использовании полученного эффекта в обороноспособности новой, демократической России. Игорь же Васильевич, уже на правах давнего знакомого губернатора, вставил свое слово: «Видите ли, Вадим Владимирович, если с вашей помощью мы получим финансирование на продолжение исследований по данной теме, то, как чисто гражданское учреждение, наш *НИИ* все это станет, так сказать, маскировать под сугубо медико-биологическое применение, не упоминая об истинном назначении...». «Разумеется,— горячо вступил Тетеря,— иначе и вас, и меня вот в такую же клетку посадят, только размером побольше!» — И развеселившийся собственной остроте губернатор указал на клетку со смирно сидевшей в ней крысой.

...Вот сейчас, прихлебывая чай и рассматривая фото на первой полосе «Городских вестей» с обескураженным, со снятым галстуком экс-губернатором на фоне судейской камеры-клетки, из которой он только что вышел после оглашения приговора, Игорь Васильевич подернулся всей кожей морозным холодком. Правильно, ох,

---

* Не только профессиональные психологи, но любой многоопытный в жизни человек знает: если собеседник пристально и прямо глядит тебе в глаза — значит, хочет обмануть.

правильно, писали русские философы-космисты, Николай Федорович Федоров в первую очередь, что все сказанное человеком вроде бы все рано или поздно с ним же сбывается. Так и здесь. Пошутил вроде Тетеря насчет клетки, в которую его могут посадить — и посадили пять с небольшим лет спустя. И главное: даже насчет размера клетки не ошибся Вадим Владимирович: гораздо больше крысиной она оказалась!

Но тогда Тетеря не обманул: через московские знакомства в военной среде «навел» на *НИИ* двух заинтересованных генералов, которые вскоре приехали, посмотрели на мышей, заскучали. Не до того, Федя, не до того... Деньги и в Москве сгодятся. Сухо распрощались и убыли восвояси. Тему закрыли. На Тетерю, конечно, не обижались. Человек сделал что мог. Бескорыстно.

◆ Город и область, попривыкнув за два срока предыдущего губернатора, крепкого хозяйственника, Героя Социалистического труда, к размеренной жизни, чем-то напоминавшей прежнюю советскую, с ремонтами домов и прокладыванием подземных коммуникаций, обузданием чиновничьей ретивости и повсеместного воровства, теперь с настороженностью присматривались к кипучей деятельности новоназначенного главы области.

Поскольку по прежней своей работе в «Меткости» Тетеря выправил по знакомству чин полковника от артиллерии, то по фронтовому братству начал резво заполнять должности в своей администрации людьми из военных, что, в итоге, его и сгубило. Но — об этом чуть позже. На важнейший департамент, распоряжающийся финансами, он поставил аж генерала Рысьева. Тот оказался волею судеб последним начальником военного училища, одного из старейших в стране. Увы, училище в пожарном порядке, всего за пару месяцев упразднили*, явно в целях создания более компактной армии с высокоточным оружием. Генерал остался без должности. Тут на его счастье губернатором стал полковник Тетеря.

Рысьев запомнился — и не только одному Игорю Васильевичу — его выступлением перед микрофоном на площади Победы в праздник 9-го Мая. Начальником училища, теперь, понятно, военного института, Рысьева поставили еще полковником. Но как раз накануне праздника три звезды на его погонах заменили одной большой. Тот настолько преисполнился восторгом, что, перечисляя на праздничном митинге Города-Герои, Сталинград переименовал в Волгоград, а дойдя до Ленинграда, на полсекунды задумался и верноподданнически выкрикнул: «...Город-Герой Санкт-Петербург!» Народ на площади корректно замолчал, а со стороны кучковавшихся под красным знаменем коммунистов послышался ропот, перемеживаемый криками возмущения.

Этот рысьевский пассаж даже превзошел случившийся за десять минут до того конфуз. Тогда предыдущий президент только-только заявил о предстоящем переименовании милиции в полицию, а *СМИ*, вечно бегущие впереди лошади, уже всю с восторгом неопыта щеголяли новым термином. Вот и в тот праздник на площади Победы дикторша местного радиотелевидения выдала, перечисляя погибших в Великую Отечественную, перл. Во-первых, также демократически пренебрегла подозрительным для *СМИ* словом «Отечественная», во-вторых... словами: «...Не только погибли миллионы солдат и офицеров на полях Великой *мировой* войны, но и десятки тысяч *полицейских* не вернулись домой...» Народ на площади оцепенел, коммунисты же заготовили: дескать, правильно, девка, говоришь: все столбы в освобождаемых городах были увешаны полициями!**

---

* Для сравнения: на «закрытие» игорных домов дали аж целый год! Чтобы ребята подзапасились деньжатами...

** А 1944 году, когда началось стремительное освобождение Красной Армией ранее оккупированных территорий, Верховное главнокомандование издало приказ: пленных немцев и их союзников, предателей, дезертиров и пр. физически не уничтожать. Единственное исключение — для полицаяв, которых публично вешали.

...И на все остальные департаменты, включая здравоохранение, образование и соцзащиту, Тетеря поставил полковников. Даже директором объединенных городских парков назначил отставного милицейского полковника, а на «Водоканал» посадил приравненного к этому сухопутному званию капитана первого ранга в запасе — тот на Балтфлоте командовал водолазами.

На МВД, ФСБ, таможню и облнаркконтроль не посягал — не по его ведомству, да там железобетонно уселись в руководящих креслах свои полковники, а то и — бери выше! — генералы. Зато дал на откуп бывшим полковникам-политотделцам советских времен все техникумы — теперь колледжи — города. А в «кулек», то есть областной культпросветколледж, назначил дядьку своей первой жены — подполковника из духового оркестра упраздненного военного училища. То бишь военного института.

◆ Далее наступил черед справить личные дела. Оно, губернатор — официальное лицо, государству подчиненное, но ведь и тылы следует надежные обеспечить, чтобы ничто не отвлекало от многотрудных дел поставленного на область, хотя и бывшую промышленную, но все же оставшуюся территорией с небольшое европейское государство.

Себе под житье определил загородный замок, конечно, капитально подновленный и технически оснащенный под «умный дом». Даже из Канады за бешеные деньги, казенные, конечно, оприходованные под закупку сельхозкомбайна, были выписаны холодильники для летнего хранения норковых и соболиных шуб третьей жены Тетери — молодухи, как по-родственному ее звал губернаторский отец. Прежний деревянный забор, огораживающий полсотни приусадебных гектар, заменил на трехметровый в два с половиной кирпича, со стояками-башенками. Получилось подобие городского Кремля, построенного кочующей бригадой генуэзских строителей XVI-го века. Ранее это здание с помещьем использовалось секретарями обкома, а затем губернаторами для высоких приемов и просто пятнично-субботних пьянок — с дамами и без них, если заодно решались дела государственной важности.

Любимому отцу соорудил хижину чуть поменьше — по этажности и количеству гектар. Затем основательно разобрался с женами: развелся со второй и сочетался с третьей — молодухой. Первым двум, как семейно заботливый, а заодно и третьей — на всякий случай, мало ли что в жизни случится — справил в центре города кому приличную квартиру с трех комнатах, а «нынешней новой», как сейчас говорят в сериалах, крепкий домик с садом-огородом, что обихаживала пара — садовник с кухаркой.

...Как-то на коротком досуге высокий московский гость рассказал бытовавший при Ельцине анекдот, а скорее был. Пришел Черномырдин, тогда премьер, на заседание своих министров и, что-то вспомнив, спросил: «Поднимите, как школьники, руки, у кого имеется за душой ученая степень?» — Наперебой все их и подняли. — «За что ж вы так не любите науку, мать вашу?» — выматерился оренбургский казак Виктор Степанович...

И тут же заказал кандидатские ученые степени по технике себе и старшему сыну, только-только закончившему вскоре разогнанное военное училище. Институт — понынешнему. Себе по старой памяти заказал в «Меткости», а сынуле в Тулуповском университете. В последнем его и безо всяких просьб тотчас сделали Почетным доктором университета. На соответствующей экспозиции таких докторов повесили и Тетерин портрет с надписью: «<Ф.И.О.> — Почетный доктор — Кандидат технических наук».

Увидев во время визита такую явную несуразицу, Вадим Владимирович слегка поморщился. Перехватив неудовольствие, университетские начали готовить Тетерю к докторской степени. Избрали, конечно, новомодные политические науки. К сожа-

лению, а потом и к облегченной радости, не успели довести это благое дело до диплома до начала импичмента высокого соискателя.

Решив дела личные, принялся за доуку исполнения гособязанностей. Прекратив, как дело грязное и явно неперспективное, ремонты домов и подземных коммуникаций, начал Тетеря разъезжать с эскортом из десятка машин, любовно подобранных числом до полусотни в губернаторский гараж, по городам и районам области: распекал начальство тамошнее и не скупился на общие похвалы народу-труженику, строящему, не покладая рук, светлое дембудущее области. Вечером, ужиная чем бог послал с обруганным начальством, поучал их дружелюбно по части гибкости, политкорректности и толерантности: «Понятно, область наша глубоко дотационная, не сеем и не пашем, не точим и не куем, так хотя бы не раздражайте, господа-товарищи, народ наш многотерпец! А то и вам не усидеть на своих теплых местах, и мне могут по шапке дать».

Как человек многоопытный, даже не совался потолковать с народом о возрождении промышленности на разоренных, обезлюдивших заводах с трехсотлетней историей. Там только вахтеры, ремонтники текущие да многочисленное начальство без подчиненных осталось.

Наступила в Тулуповске эра всеобщего административного восторга. В утренних, дневных и вечерних новостях по местному телерадиовещанию фигурировал только Тетеря, по-хохлацки словоохотливый. Иные действия его вызывали всеобщий восторг. То покажут фас-анфас-профиль Вадима Владимировича, по-ленински поддерживающего комель бревна на весеннем общегородском субботнике, то его же в бутафорской белой каске идущего со свитой по цеху химкомбината в Бортянске — первенцу сталинских пятилеток, уже двадцать лет как поглощенного транснациональной корпорацией «Проктер-энд-Гэмблом». Или в плакатной асбестовой рыбацкой шляпе сурово смотрящим на домну металлургического завода, тоже с четверть века выдающему на горá литьевой чугуна за бугор...

Верхом административного восторга стала постройка в главном парке города площадки для конного конкурса с «губернаторскими» трибунами, где в погожий воскресный день Вадим Владимирович, окруженный цветником самых матеро-красивых баб из облминистрации, весело рассказывает приличные анекдоты и похваливает статью конкурных лошадок. На соседней же поляне — прямо по траверсу взгляда губернатора, изображающие пейзаж в сарафанах и цветистых рубашках молодки из областной филармонии водят хороводы и поют про ягоду-малину.

А по местному радио-телевидению дикторы и дикторши, не уставая, наперегонки расхваливают деловые качество и энергичность нового губернатора, наконец-то пришедшего на замену замшелого, погрязшего в копани канав под трубы и ремонт крыш прежнего главы области, совкового Героя Социалистического труда...

Включишь (по ошибке) телевизор на местных новостях, а там два разнополюх ведущих рассказывают про подвиги сегодняшнего дня Вадима Владимировича. «Само небо послало нам наконец-то такого главу области...» — восхищенно щебечет дикторша. — «Да, — крутя головой от переполняющего восторга, вторит ей диктор, — никуда не денешься, повезло нам с губернатором!»

И потекла в Тулуповской области-губернии не жизнь, а одна патока с медом. Все веселы и довольны. Не сеют и не пашут, все поля бурьяном поросли, с заводов с трехсотлетней историей последние вахтеры с текущими ремонтниками потянулись к кадровикам с заявами «по собственному». А все почему? Область как была глубоко дотационной после уничтожения в девяностых «оборонки», так такой и осталась. Все дело в губернаторах! Прежний был ярим коммуняком, так и область дотациями обносили, а нынешний сверху поставлен, свой партбилет (на всякий-який) еще после

геройского танкового обстрела Верховного Совета, запаяв в три слоя полиэтилена, закопав в землю на старой, еще совковой дачке родительской, пометив схрон зарубкой на близрастущей яблоне. Потому и поощрительные дотации идут и идут.

Не жизнь, а малина со сливками, произведенная на заводе продуктовой химии транснациональной корпорации «Вим-билль-дан». Из дотации всем категориям служащих хватает на хлеб со сливочным маслом из китайского сухого молока, взбитого с малазийским пальмовым же маслом.

Малочисленные военные и многочисленные менты-полицейские прямо от государства кормятся на повышенных окладах содержания. Чиновники блаженствуют, исходя из закона Клайперона — Кляйнротхауса: чем больше масса, в данном случае денег, у хаотически движущихся частиц, тем большую энергию (взятку) они отдают в управляющий ими механизм (чиновникам).

...Поскольку дело еще не дошло до водочно-табачных ограничений, то цветет и пахнет малый бизнес, окормляющий средний класс — читай: 100 %-ное торгашество-спекуляция. А энергичные представители северо- и закавказских торговых диаспор застроили все пустоты между домами города мега- и супермаркетами, в которых вся ближняя Москва отмывает черный и серый нал. И по всей губернии сплошные праздники — без выходных.

Вот эта-то диаспора и сгубила Вадима Владимировича, опрометчиво вступившего на внешне заманчивую стезю опасной профессии.

◆ Начался закат административного восторга с обретением Вадимом Владимировичем многочисленных врагов из бывших своих, благодетельствованных чиновными местами полковников. Хохлы, даже во втором-третьем поколении обрусевшие, как Тетеря, люди, конечно, в целом хорошие, очень на нас похожие — одна история, одна восточнославянская кровь! Но жизнь с тринадцатого по середину семнадцатого — до воссоединения с Россией — веков между татар крымских и золотоордынских, турок, поляков, литовцев, собственно москалей, на западе еще и австрияков, да с самоуправной Запорожской Сечью, не была малиной. В отличие, например, от кацапов московитских, которые с ледовитого севера и песчано-пустынного юга супротивников не имели. На востоке дождались терпеливо, пока в Золотой орде пойдет раздрай, после чего Иван Грозный завоевал все их города с весями, после чего казанские татары переквалифицировались в купцов и московских дворников.

И на западе все устаканилось: по центру оборону держали дружественные запорожцы. На северо-западе сначала Александр Невский с союзной тогда татарской конницей отогнал тевтонов, а попозже при Грюнвальде литовцы-язычники и литовцы-белорусы вовсе немчуру расколошматили. А потом и Потемкин-Таврический турок с Дикого поля и Крыма турнул, основав веселый город Одессу-маму.

А вот братьям-хохлам пришлось долго изворачиваться на все четыре стороны света. Оттого в характерах их гено-фенотипически образовалась неизбывная подозрительность и мнительность. Она-то и сыграла основную роль в обретении Вадимом Владимировичем сонма врагов по возвращенной его трудами полковничьей администрации.

...Однако на этих рассуждениях Игорь Васильевич взял сам у себя тайм-аут и вспомнил, в связи с административной грацией-восторгом, свое третье и последнее общение с Тетерей. Правда, заочное.

Ободренный визитом новоназначенного губернатора в его университетскую лабораторию, Скородумов, радея о своем детище — журнале «Феномены разума: XXI век», начал писать Тетере письма о включении издания отдельной строкой в программу финансирования облбюжета по разделу науки, образования и техники.

Дело в том, что университет ни копейки живых денег на издание журнала не давал — только печатал в своей типографии тираж. И за это, конечно, Игорь Василье-

вич искренне и неоднократно благодарил предыдущего и нынешнего ректоров, но необходимую работу по подготовке, верстке и так далее номеров к печати он оплачивал из своего сиротского профессорского жалования, чем вызывал недовольство своей доброй супруги. Вот наш профессор и просил доппомощи в издании журнала.

Надо отдать должное военизированной администрации: в положенный десятидневный срок ответ из научно-образовательного департамента приходил: мол, идею и практику издания столь полезного журнала одобряем-с, но денег в администрации нет и не будет. Вхожие в «белый дом» на площади имени Владимира Ильича доходчиво объяснили наивному профессору: до губернатора всякие просительные послания не доходят, а департаменты их рассматривают серьезно, без отписки только по звонку от главы области. Военное единоначалие! Они же посоветовали придумать такой ход, чтобы письмо попало на стол губернатору. Далее как повезет: вспомнит ли он профессора, да с какой ноги поутру встал, с кем ночью ночевал и так далее.

По субботам к Игорю Васильевичу иногда заходил поговорить о том, о сем его бывший коллега по инженерной работе в «Меткости», ныне свободный пенсионер Вольдемар Вольдемарович Пфаффлер — из бывших поволжских немцев. В один из таких визитов тот сообщил новость: Тетеря взял на должность своего технического помощника — портфель за шефом носить — их общего знакомого Гену Козленкова. Действительно, Гена работал в *НПО* в их отделе начальником сектора, затем замначальника отдела.

Был он весело плутоватым человеком интересной жизненной судьбы. Срочную служил на Новой Земле в ядерно-испытательной военной части, матросы которой после очередного взрыва обследовали территорию, снимали показания с расставленной загодя измерительной аппаратуры. В высоком воинском звании «страшный», то есть старший матрос вернулся в родной Тулуповск, окончил здешний политех, трудился в радиолокационном *НИИ*. Затем по партийной линии завербовался на якутские золотые прииски на интересную должность: с наганом в кобуре и винтовкой на плече разгуливал по драге, смотрел, чтобы иной работяга-старатель не спер завалившийся самородок.

В конце смены Гена отпирал опечатанную им же с утра дверцу контейнера-накопителя, пересыпал золотой песочек и самородки в спецсумку, опечатывал в присутствии начальства драги и уносил в свою каюту, где стоял бронированный сейф. Получал очень даже хорошую зарплату с доплатой же от «комитетчиков».

Когда драгу ставили на ремонт, то на паритетных началах с начальником заказывали из Якутска или Ленска два ящика коньяка и впадали в освежающий двухнедельный запой. На материке, то есть в Тулуповске, супруга Гена воспитывала двух дочерей. Наличие их убедительно показывало: советские атомные и водородные бомбы — самые «чистые» в мире. И вообще, якобы отрицательное влияние радиоактивных излучений на мужскую потенцию, эрекцию и сперматогенез — чистый миф! На эти качества плохо влияют лишь низкий оклад, плохая закуска и сварливая, быстро обабившаяся жена.

Заработав на трехкомнатный кооператив, «Волгу» ГАЗ-24 бежевого цвета, кирпичный гараж с дачей и «пухлую» цифрами сберкнижку, Гена вернулся домой, пошел снова трудиться по радиолокационной теме в «Меткость», куда на повышенную зарплату уже перебрались его друзья по прежнему НИИ.

От запойного золотопромышленного пьянства его быстро отучила супруга-казачка: «Еще раз в рот хоть стопку вольешь — возьму детей и уеду к родителям в Воронеж. Навсегда». И перешел Гена на сливовый компот, который искусно варила супруга-казачка. В день — и круглый год так — он выпивал по трехлитровой банке. Успешно заглушал синильной кислотой, что в тысячных промилле содержится в сливовых косточках, тягу к «кирке».

Имея склонность более к административной работе «на подхвате», нежели к технике, Гена пришлось по душе Тетере, тогдашнему главному инженеру «Меткости» и стал его негласным, а потом и гласно-должностным помощником-порученцем. Став губернатором, тож и Гену забрал с собой, выделив ему для чиновничьих упражнений комнатку рядком со своим кабинетом.

...И еще Вольдемар Вольдемарович похвалил Гену: не зазнался, мол, на такой высокой должности! Звонил он ему, просил малой помощи: супругу-врачиху Пфаффера пыталась выжить из родной ее поликлиники главврачиха. И бывший коллега решил вопрос положительно через здравоохранительный департамент. «Тебе, Васильич, сам бог велел Гену попросить: профессор, человек известный, журнал научный издаешь!»

Скородумов ободрился. Понимая всю тонкость просьб к столь важному чиновнику, хотя и почти прежнему приятелю, не стал звонить Козленкову, но два вечера проторчал у здания администрации, вроде как интересуясь памятником Ленину у парадного входа. И дождался выхода уже в наступившей темноте Гриши. Поздоровались. Вроде как метров двести идти им оказалось по пути. Вспомнили веселое жительство в «Меткости», прежних своих начальников. Мягко Игорь Васильевич перешел к своей докуке.

— Понимаешь, дорогой мой профессор,— посерьезнел Гена,— дело это непростое. А вдруг у тебя с Вадимом Владимировичем ранее по работе какие-то трения были? Или журнал твой когда-нибудь засветится в части неугодности нынешнему порядку вещей? И получится, что ты меня подставишь со всеми вытекающими оргвыводами.

Узнав же, что Тетеря еще в самом начале губернаторства приезжал смотреть опыты в лаборатории Скородумова и даже по старым связям «навел» на него московских генералов, Гена одобрительно кивнул и заговорил по-деловому:

— Все равно, так у нас, в *руководстве*, не принято напрямую что-то рекомендовать, письма со стороны, вроде как лично, передавать первому лицу. Предлагаю следующий план. Та-ак, сегодня у нас среда. Вадиму Владимировичу стороннюю почту приносят в два часа по пятницам. Значит, часов в десять утра пятницы ты сдаешь письмо с приложением свежего номера журнала во внешнюю приемную — это со стороны бывшей фабрики-кухни, ныне здания Сбербанка. Там регистраторша сидит в своей комнате — без пропуска вход. Только проследи, чтобы она спросонья не пустила письмо и журнал по разным входящим.

А далее я в дело вступаю. Ровно в двенадцать всю губернаторскую почту относят на наш седьмой этаж к Егор-Петровичу, который сортирует ее по департаментам и комитетам. И я к нему зайду, вроде как интересуясь письмом для Вадима Владимировича из Москвы — от Проминвестбанка. Мы с ними активную переписку ведем, так что Егор-Петрович, матерый служака с нюхом почище таможенного пса, ничего не заподозрит.

Стою я рядом, жду, пока Егор-Петрович всю пачку входящих перелопачивает, смотрю на адреса — жду проминвестовский пакет. И вдруг, увидев твое письмо с журналом, радостно так, в то же время и снисходительно, восклицаю: «Ба-а! Смотрика? Сам Скородумов вспомнил нас!» — «Какой-такой Скородумов,— бормочет Егор-Петрович,— не ведаю, кто такой»,— и уже готовится твое письмо в папку для департамента науки положить. А я ему: «Скородумов — известный профессор из университета, а раньше вместе с Вадимом Владимировичем в «Меткости» трудился».

«Да-а,— смотрит Егор-Петрович на меня чекистским взглядом,— и ты его знаешь?» — «Нет, не знаю, просто фамилию не раз слышал и в «Меткости», и сейчас — от университетских знакомых». Егор-Петрович все колеблется: куда бумагу-то класть?

Вспоминает, что внуки подрастают, скоро им в университет идти — и кладет твое, Васильич, письмо в папку *Самого*. И дело в шляпе, и я вроде как в полной стороне!

◆ — Однако, товарищ-господин Геннадий, сложная и опасная работа у вас в администрации. Целый спектакль требуется без режиссера и оркестра поставить, чтобы письмо по начальству передать!

— А ты как, друг мой сердешный, думал? Это тебе не наша прежняя военпромская простота: к главному инженеру командировку подписать простой инженер без доклада входит! Правда, ты-то уже не застал, но Вадим Владимирович, став главным, это панибратство прекратил. А так к любому начальнику, исключая Гусакова, любой может зайти. Поругавшись же, может и незлобивым матерком шугануть...

— Да и самого Гусакова по его молодости и несдержанности шугали!

Скородумов и Гена, вспомнив были «Меткости» на этот счет, ухмыльнулись и распрощались на перекрестке.

— Результата жди не от меня, а по официальной почте,— напомнил Гена.

...Результата Игорь Васильевич так и не получил. Наверное, Тетеря не вспомнил профессора с опытными крысами. Тем более, судя по местным газетам, губернатор в это время увлекся развитием пивоваренной промышленности в городе и области.

После разговора с Геноей Козленковым для прочищения мозгов, впавших в одурь, Игорь Васильевич зашел в попутную «стекляшку», хлопнул сто пятьдесят, закурил бутербродом с бужениной и взял неторопливый курс на свой дом, обстоятельно-сравнительно рассуждая. Действительно, что-то сгнило в королевстве датском. При прежнем губернаторе, Герое Социалистического труда, без всякого политеса и козленковских спектаклей, выписав пропуск в здание областной администрации, за час с небольшим собрал все нужные подписи председателей комитета и департамента, двух вице-губернаторов на наградных документах, отдал папку с ними секретарше губернатора, который в тот день уехал в район, а через несколько месяцев из рук того же главы области получил удостоверение и знак Заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

О простоте же нравов в той же «Меткости», известной на весь мир оружейной «фирме», которую два президента *США* объявляли, как фюрер подводника Александра Маринеско и диктора Левитана, чуть ли не личными врагами, и говорить нечего. Вот и расставаясь с Геноей, не зря они ухмыльнулись, вспомнив бытовавшие в «Меткости» были: как осаживали и самого Гусакова.

Первая из них передавалась уже под сорок, а то и поболее лет таким сюжетом. Приехал из Подмосковья в Тулуповск новоназначенный начальником и главным конструктором Гусаков, только что защитивший кандидатскую диссертацию, еще молодым, горячим и несдержанным, плохо знающим характер местного мастерового народа. Вошел в курс дел в Конструкторском бюро — предшественнике «Меткости», где разрабатывали и доводили до ума скорострельные авиационные пушки и противотанковые ракеты.

Надо сказать, что, конечно, и ракета сразу не полетит, куда ей назначено, если ее сварганить по чертежам, хотя бы в чертеже и заложены самые точные физические и математические расчеты-выкладки. Доводка же «до ума» требует месяцев и годов. Но — опять же все по уточняющим расчетам и результатам испытаний. Здесь все зависит от инженеров-расчетчиков, баллистиков, двигателистов. Работяги же просто собирают, никак не своевольничая, ни на микроны не прегрешая против чертежей и карточек-изменений к ним.

А вот пушка сверхскорострельная, хотя и мала, весом не более двадцати-тридцати кило, вовсе на вид и не похожая на привычную нам по фильмам сорокапятку или трехдюймовку, та вообще «по чертежам» стрелять не будет. И инженеры мно-

гоопытные разводят руками: не стреляет и все. Либо на короткой очереди замолкает. Одна надежда: скоро выйдет из отпуска или легкого запоя по случаю рождения третьего внука Григорьич — простой, да и не такой уж простой слесарь-наладчик, — в десятом поколении оружейников ведет свою родословную от обитателей Носковской слободы.

Прибудет Григорьич, осанистый, башка — что самовар, в плечах широк, но в ногах коротковат и кривоват. Снимет — время зимнее — свое несносимое ватинное пальто «гроб с каракулем», шапку-хрущевку, переоденется в работное, промасленное, а сам начальник цеха опытного производства, расспрашивая о здоровье внуков, ведет его к верстаку со злосчастной пушкой.

Час Григорьич вертит пушконку в своих пудовых кулачищах, другой и третий. Что-то решив, вынимает из ящика-короба своего слесарного стола трехгранный драчовый напильник и деревянную кувалду. Тут и заинтересованный директор опытного завода подходит, поздравляет слесаря третьим внуком. И никто не удивляется, когда Григорьич напильником в одном ему ведомом месте прорезает малую канавку на затворном сложном механизме. Затем вытягивает пушку в кулачище стволом вверх и трижды бьет кувалдой по жерлу огнестрельного прибора. «Тащи в тир», — сует пушку своему бригадиру. И через час половина города вздрагивает от долгого дробящегося грохота* со стороны лесистой окраины: вместо расчетных пятисот подпильная и окувалденная Григорьичем пушка выплюнула в подземном тире две с половиной тысячи снарядов! — Без заминок и запинок.

Это такая специфика пушечного скорострельного и стрелкового оружия: чтобы оно стреляло без осечек, да еще в пустыне Сахаре и на Северном полюсе, нужна интуиция доводчика, многодесятилетний опыт — словом, специфическое шестое чувство. Для этого таких григорьичей холят и лелеют, но и они себе цену очень хорошо знают. Директора серийного заводов, начальники и главные конструкторы НИИ и КБ первыми им при встрече руку протягивают и осведомляются о здоровье домочадцев.

...На такого вот Григорьича и нарвался молодой и горячий еще Гусаков, знакомься с работой цехов опытного производства. Как раз тамошний умелец в пушечном цеху с помощью молотка, зубила и легкого мата в адрес «инженеро́в» что-то правил на зеркально отполированном механизме выбрасывания гильз огнестрельных снарядов. С удивлением он узнал от гонористого нового начальника о своей умственной неполноценности и других схожих качествах. Настолько изумился, что соскользнувшим зубилом пробил бороздку на три миллиметра в сторону от нужного.

Отбросив в раздражении инструмент, поднялся во весь свой криволапый рост, выдал в адрес и лицо Гусакова длинную тираду, где из печатных слов присутствовало только: «...Хотя ты кандидат, но...».

Взбешенный Гусаков взлетел по металлической лестнице на боковую антресоль цеха, где в остекленных клетушках помещалось цеховое начальство, ворвался в кабинетик директора опытного производства и потребовал тотчас уволить «этого Кулибина с зубилом». «Никак невозможно, — спокойно ответил тот, — во-первых, кто будет пушки до ума доводить? Во-вторых, перед самым вашим приходом на предприятие Нифонтова наградили орденом Трудового Красного Знамени...» — «Может еще и «в-третьих» есть?» — съязвил Гусаков. — «Есть, я сам начинал трудовую деятельность учеником слесаря у Нифонтова».

На требование хотя бы деприми́ровать «Кулибина» за квартал, директор также спокойно пояснил: «Вам же дороже обойдется. Вручая Нифонтову орден в Минобо-

---

* Поскольку вторая половина Тулуповска в те давние времена вздрагивала от такого же грохота со стороны завода, серийно выпускавшего пушки «Меткости», то среди горожан «органами» распространялась «легенда»: это испытывают рельсоломы для ремонтных нужд железнодорожников.

ронпроме, начальник нашего главка установил ему полуторную постоянную премию и сказал, что когда будет в Тулуповске, так обязательно зайдет к нему в цех».

Гусаков молча ушел, но с тех пор, бывая в опытном производстве, на участок с верстаком «Кулибина» не заходил.

Прошли годы и годы. Гусаков стал знаменитостью в военно-промышленном комплексе. Главное — после случая с Нифонтовым смирил врожденную гордыню, понял, что в промышленной среде нет паркетных генералов и административной грации. И вообще — любой человек имеет свою цену и знает ее.

◆ Второй же казус, устойчиво бытовавший в молве тружеников «Меткости», случился вроде как перед самым поступлением Игоря Васильевича на службу в орденосное предприятие. Рассказывали о нем в инженерских курилках матерые конструкторы в таком примерно изложении.

Распределили на работу в «Меткости» молодого специалиста *N.*, окончившего военно-технический факультет местного политеха. Парень был умный, но с норовом, крайне обиженный тем, что на заслуженное им вполне место в аспирантуре взяли сокурсника с мохнатой облизполкомовской «лапой». С самого начала он заявил начальнику отдела: «Работать я здесь не буду, поеду в Москву поступать в аспирантуру в Баумановку. Прошу уволить». На что начотдела резонно отвечал, что по закону молодого специалиста даже министр уволить не имеет права!

А раз так, то *N.* начал валять ваньку, оно же — дурака, дожидаясь окончания трехлетней обязательности. Нет, от работы он не отказывался — могут по статье уволить, а это кранты для аспирантуры. Избрал он, как человек умный, тактику японской забастовки. Всем известны обычная и итальянская стачки, но мало кто знает о японской. А она следующая: рабочие и инженеры начинают все делать сугубо, строго исполнять все инструкции, правила и предписания. Во всем же мире они составлены таким образом — береженого бог бережет,— что при строгом исполнении вся работа прекращается: останавливаются конвейеры, затихают станки, даже домны закозливаются остывающим чугуном. Начальников отдают под суд якобы за нескромное предложение своим секретаршам провести тет-а-тет выходные (уик-энды) на загородной вилле. И так далее.

Вот и наш *N.*, получив от своего непосредственного руководителя задание за пару недель разработать и спаять макет простенькой радиосистемы, берет у отдельской кладовщицы пухлую конторкорректную книгу-журнал для записей и, будучи отменно технически подкованным, все эти две недели полный рабочий день заполняет его формулами, схемами, пространственными пояснениями и комментариями.

По окончании срока руководитель подходит к трудолюбивому подчиненному и протягивает руку ладонью вверх: давай, мол, действующий макетный образец — печатную плату с распаянными на ней конденсаторами, транзисторами, резисторами и прочими цацками. А тот ему на ладонь конторкорректную книгу с восьмьюдесятью листами исписанными. Раскрывает изумленный начсектора гроссбух на последней странице, а там резюме: «Проведенные расчеты, см. также список использованной литературы из 128-и наименований, показывают, что согласно формулировке ТЗ, то есть технического задания, разработать данный электронный функциональный узел с требуемыми параметрами однозначно невозможно». — И личная подпись *N.* с датой.

Начсектора, взбешенный донельзя,— к начотдела. Тот вызывает *N.*, стыдит, матерится, убеждает.— Без пользы. Когда число исписанных гроссбухов на столе начальника отдела вырастает в стопку, тот ведет его к начальнику отделения... Словом, через полгода отводят для оргвыводов *N.* к самому Гусакову. О происшедшем в его кабинете за закрытой тамбурной дверью разносила глухая молва со ссылкой на матерую усатую секретаршу. Вроде как из-за двери доносились матерные крики и угрозы

обоих голосов: баритона Гусакова и тенора *N.* Потом раздался грохот и в растворенную пинком дверь вышел *N.* Еще в наступивший обеденный перерыв секретарша выметала в кабинете пол, усыпанный мраморной крошкой разбитого о стену пресспапье. Кто в кого его метал, слава богу, не попал, — то осталось тайной.

...Война войной, но обед вовремя! И *N.* отправился в столовую. По выходе из нее к нему устремились вспотевшие от беготни кадровичка Вера Ильинична и дежурный на этот день по охране объекта старшина — не по званию, но по должности — Кандыбин.

— Ишь, он еще и обедает! — возмутилась Вера Ильинична. — На, держи свою трудовую книжку и расчет; с воинского, профсоюзного и комсомольского учета тебя уже сняли.

— А чего денег так много? — на глаз оценил *N.*

— Смотри-ка, он еще претензии заявляет, — возмутилась кадровичка, — зарплата за этот месяц, неиспользованные отпускные и двухмесячный оклад!

— Это зачем оклад-то? — искренне удивился *N.*

— А затем! Уволить тебя по статье, чего ты заслуживаешь, или по собственному нельзя как молодого специалиста. Поэтому запись в приказе и трудовой книжке пришлось сделать «по сокращению штатов», а таким положена двухмесячная компенсация.

Вера Ильинична, не прощаясь, убежала, а старшина Кандыбин довел его до проходных, изъял пропуск, на прощанье подмигнул и даже приложил ладонь к фуражке.

◆ Игорь Васильевич усилием воли прервал сладостные ностальгические воспоминания о прежней, иной жизни — без административных восторгов, излишней казенщины, суконно-цинковых рож и сопровождающих их хамелеонства, обдумывания самых обычных слов — не дай, бог, не так поймут... и, конечно, без бабьей двуликости: сегодня она «подмахивает», завтра же, если в немилость попал, кривит размалеванную от *авон* физиономию. В эпоху административной грации и восторга даже естественный половой инстинкт превращается в донельзя искривленное дам — не дам. Бедные женщины! И мужики тож.

...Прошел первый год губернаторства Тетери; местные газеты, теле- и радиовещатели без конца твердили: «Да, повезло нам с губернатором!» Народ развлекали городскими праздниками по поводу и без повода. Кавказские торговые диаспоры без устали возводили гигантские торгово-развлекательные центры. Административный восторг едва ли не божьей охватил. А «ближний круг» Вадима Владимировича, полковники-администраторы с энтузиазмом ударников первых пятилеток ни одной бесхозной и «хозной» копейки мимо своего кармана не пропускали. Ведь всем известно, что военные новой, демократической формации плоть от плоти своей эпохи: чиновничье-торгово-потребительской. Тем более — времена мирные наступили, чечена замирили по древнему, как сам, принципу: мир в обмен на деньги. Да еще впридачу фактически полная независимость, только в НАТО и Евросоюз вступать нельзя... да кто же их, гордых, туда возьмет себе на шею?!

Так что и фронтовая жизнь нынешним военным только что в страшных снах может привидеться.

Набирая мундирную команду («Команду новую да всю хреновую», — как поется в старой матросской песне «В Кейптаунском порту»), Тетеря, еще не отвыкший от военно-промышленной — со времен «Меткости» — наивности полагал: конечно, без воровства ныне чиновник состояться не может; это будет нонсенс и вообще подозрительно, но брать надо по совести, по чину, не зарываться и делиться по-братковски!

Увы, первым огорчил добрейшего Вадима Владимировича медицинский полковник, стриженный короткошерстным военным «ежином» и поставленный на здравоохранительный департамент. Да еще как огорчил! — Попался на всероссийски засве-

тившейся многомиллиардной афере с томографами. Даже по центральному телевидению фамилия короткошерстного полковника медслужбы не раз была озвучена.

Здесь-то Вадим Владимирович, лишенный чувства фронтового братства, совершил первую трагическую ошибку: даже для приличия не вступился за проштрафившегося, но тут же, как св. Петр от Христа, трижды отрекся. Живи сейчас Александр Сергеевич, кстати, тоже чиновник, камер-юнкер, предрек бы судьбу Тетери: «Повсюду страсти роковые и от судеб защиты нет» (поэма «Цыганы»).

...Не только отрекся, но и уволил тотчас еще двух зарвавшихся полковников с департаментских сидел. Тем более что один из них, ражий, кровь с коньяком, скандально обрюхатил в порыве административного восторга слабосовершеннолетнюю дочку первогильдейского в городе купца.

Пошло и поехало. Боясь неодобрительного окрика сверху, весь срок первого губернаторства Тетеря увольнял да увольнял заподозренных. Ни единого полковника, исключая его самого и генерала Рысьева, не осталось на должностях. Всех заменил на более осторожных во взяточных делах штафинок. Немного отдохнув от административного рвения, занялся было утолением другой страсти военного: увешивать свой парадно-выходной пиджак знаками наград разных общественных академий и обществ. Благо их много развелось.

Задумал возродить губернский политес, водящих на лужках хороводы пейзаж, соревнование по конкуру также... Но гражданские суконные лица новой команды тоску наводили. Опять же попались «на благодарностях» двое из штатских департаментских.

В то время первый срок закончился. Без проволочек сверху утвердили на второй. Стало быть, заматерел на должности. Пора и о семье позаботиться. У других губернаторов виноградники во Франции, виллы в Италии и Флориде. А у него — ништяк! Супруга же, уже перешедшая из разряда молодухи в губернскую матрону, начала часто вздыхать. Вот и детишкам на молочишко не всегда хватает. В доме четыре канадских холодильника для шуб, а один из них полупустой стоит; электричество, национальное достояние, напрасно жжется...

Финальная часть губернаторства Тетери — самая запутанная, детективная. Игорь Васильевич так и не пришел к определенному выводу. Впрочем, как и весь народ губернии.

В пользу личного мздоимства Вадима Владимировича, решившего поправить благосостояние своего семейства, говорило очень многое: достаточно алчный и энергичный характер, опять же детишкам на молочишко... главное, все берут, а я что — святой?

Солидны были доводы и в части подставы: слишком многих из «лучших» людей города и области он сдал лично. От других отрекся и не вступился в защиту. Да еще Интернет такое выдает, что и повторять, даже выйдя в чисто поле, страшно!

Главное, в судебные сети Тетеря попал нехстати и не вовремя — при большой властной разборке: очень многие поставленные сверху губернаторы не оправдали доверия и были смещены. Все это выглядело в глазах народа, особенно — за границы, так некрасиво, что в верхах приняли решение: снова вернуться к выборности глав регионов. Правда, с такими оговорками, что чужой духу централизованной демократии не пролезет. Понятно, в лучшую сторону губернский истеблишмент не изменится, зато — сами, мол, выбрали! Неча пенять на Москву!

Самое скверное, что Вадим Владимирович единственный попал под «образцово-показательный». Дело передали в районный городской суд, явно не соответствовавший персоналии обвиняемого. Дело тянули долго, видно ждали конкретных указаний, а срок, действительно, дали образцово-показательный: десять лет строгого ре-

жима! И это всего-то за пятьдесят «лимонов деревянных»? — Иному олигархеру, обокравшему полстраны, еле хватит на пару поездок в Куршевель, прихватив вагон столичных проституток VIP-класса...

Такой же срок отсидел Ходарковский, недавно выпущенный и получивший последнюю лагерную зарплату: тысячу рублей с мелочью, денежный лауреат журнала «Форбс», но ведь Михаил Борисович совершил госпреступление, организовав замену президентской власти парламентской! За такое еще цари остров Сахалин и половину Сибири каторжниками заселили. А Тетерю-то за такие крохи...

И информация с судебного процесса какая-то несолидная. В стороне оставили взяткодателя, якобы «купившего» жилплощадь в центре города под супермегацентр торговли и развлечения. До денег Тетеря и вовсе не дотрагивался; они были сданы в ментовку неким посредником — отставным милицейским же полковником. Ни он, ни взяткодатель, охотно «сдавшие» экс-губернатора, даже порицания не получили. Генерал Рысьев, проходивший как соучастник, от всего отрекся, все свалил на бывшего друга Тетерю и был освобожден в зале судебного заседания. И все многомесячное судейство свелось, как следовало в освещении процесса *СМИ*, к доказательству смысловой идентичности слов «диссертация» и «взятка». Привозили из столицы за большие подъемные и прогонные эксперта по психолингвистике. Тот охотно подтвердил аутентичность диссертации и взятки: москвичу ли это не знать!

Народ наш добрый по русской привычке жалел Тетерю, поговаривал: «Опасная это профессия — быть губернатором!»

Картинка с выставки. Опальный чиновник; воспоминания о будущем — как бы не забыть номер своего швейцарского счета?

Картинка с выставки. Гусарская баллада

Николай Макаров
(г. Тула)

СКАЗКИ ДУБОВОГО ЛЕСА

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, член Союза писателей России, лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого.

*Для кого-то — быль, а для кого-то — небылица,
Для кого-то — сказка, а для кого-то — и подсказка,
Для кого-то — невдомек, а для кого-то — и намек,
Для взрослых дядей и тетей.*

ШАКАЛ В ВОЛЧЬЕЙ ШКУРЕ

В некотором царстве, в некотором государстве шумел-гудел — не угадали — не камыш, а шумел-гудел Дубовый Лес. Как и полагается в приличном обществе, в этом Лесу правил бал и другие там всевозможно-невозможные танцы-шманцы Лесной Голова — Медведь-воевода. У Медведя-воеводы, как и полагается в приличном обществе и в приличной сказке, имелось множество помощников, консультантов, советников, секретарей-секретарш и, конечно же, заместителей.

Заместители у Медведя-воеводы все, как на подбор, — матеро-заматерелые Бурые и Серые Волки. Любой вопрос эти Бурые и Серые Волки могли решить или не решить, могли любое дело сотворить или завалить: могли или не могли, а скорее — хотели или не хотели, вернее — желали или не желали с оглядкой, ясен пень, на Медведя-воеводу. И всегда, как и полагается настоящим Волкам даже в сказках, держали свои носы по ветру. И никогда, и не только в сказках, Бурые и Серые Волки — давайте заменим одно неприличное слово в известной поговорке — не чихали против ветра, то есть против Медведя-воеводы. Между собой Бурые и Серые Волки жили более-менее сносно: некоторые даже дружили семьями или просто делали вид, что дружат, даже ходили в гости друг к другу, а иногда — и к невинным овечкам и к не так уж и невинным телочкам. Им ведь тоже ничего челове... то есть ничего волчьего было не чуждо.

Так бы они и жили-поживали, да добра наживали непосильным трудом, ставя, где нужно и где не нужно, отпечатки своих бурых и серых лап. Но однажды — вот, она, интрига-то и начинается — однажды неожиданно на голову Медведя-головы и, естественно, на головы всех его ближних и дальних подчиненных свалился, как снег на голову в ясный летний, солнечный день, очередной Государев Праздник. То ли — День Волчьей Коммуны, то ли — День Восьмой Лисицы, то ли — еще какой: сейчас уже и не вспомнишь, не припомнишь. Но, что свалился Праздник — это бесспорно и неоспоримо.

Раз свалился Праздник — мало ли что неожиданно — значит и отпраздновать его надо с размахом: во всю медвеже-волчью ширь и удаль, чтоб дым и копоть стояли коромыслом над Дубовым Лесом.

Отметим мимоходом, что самый главный заместитель и другой, рыло... то есть рангом ниже — и которые, кстати, жили в соседних норах — начали отмечать Праздник с самого раннего утра. Или — продолжали со вчерашнего вечера. Не в этом суть, а суть в том, что за праздничным столом на греческой поляне — какой же приличный и уважающий себя Дубовый Лес может обойтись без греческой поляны? — наши оба два героя (или — антигероя: кому как вздумается их именовать) были изрядно укушамшись горячительными напитками, настоянных на волчьих ягодах.

Итак: все расселись за праздничным столом, согласно купленным билетам, то есть, согласно Табелю о рангах. И опять же, согласно Табелю о рангах, второй тост после Медведя-воеводы произносит-говорит-держит самый главный заместитель. Но говорит-несет-воет, критикуя — это в Государев Праздник-то? — вся и всех, невзирая на лица, морды, физиономии присутствующих и отсутствующих господ и чиновников: Волков, Медведей и даже Тигров и Львов. Вот что делает повышенное содержание градусов в напитках и их чрезмерное употребление не только с Зайцем, о котором написана басня, но и с матерыми, прошедшими все огни, воды и медные трубы самогонного аппарата, Волками.

Медведь-воевода взревел не человеческим голосом, побагровел от такого кошунства и непотребства — вдруг молва дойдет или кто донесет (не к ночи будут помянуты) о таком вопиющем безобразии на Самый Верх. Что тогда будет-то? В кошмарном сне не приснится.

Тьфу, тьфу, тьфу — три раза.

— Вон отседова! — И услужливые руки, то есть лапы, вывели с греческой поляны не в меру говорливого говоруна Бурого Волка — самого главного заместителя.

Над поляной нависла тишина. Даже стук Дятла и писк назойливого Комара вдруг оборвался на полуслове.

— Что с этим негодяем,— Медведь-воевода большим листом лопуха промокнул вдруг появившийся пот на своем воеводском лбу,— будем делать?

Замы переглянулись.

— Что делать, что делать? — Все, как один, будто заранее договорившись, вынесли вердикт сотрапезники своему коллеге (не топить его — вдруг сам окажешься в такой же шкуре).— Проспится пускай бедолага: завтра протрезвеет — и попросит прощения.

— Да! — задумался Медведь-воевода и вдруг как рявкнет не к месту (хотя, по большому счету, Медведь-воевода всегда и при любых обстоятельствах рявкает к месту, надо отметить в скобках).— А где этот? Что-то я его не вижу?

Замы переглянулись. Кого не видит Воевода? Все вроде бы здесь. Ба, да это сосед по норе главного заместителя уснул прямо на поляне, умаявшись от непосильного празднования злополучного Праздника.

— Подать сюда Тяпкина-Ляпкина или Ляпкина-Тяпкина, как его там? Пусть скажет свое веское слово — не даром в травах вроде бы целебных когда-то вроде бы разбирался.

— Что делать, что делать? — замямлил-залебезил-заблеял еще не пришедший в себя от тяжелого сна на греческой поляне то ли Тяпкин, то ли Ляпкин. — Я давно хотел Вас предупредить, что от этого, как его, так называемого — и Волком-то его не назовешь — нашего члена стаи можно ожидать любой пакости, любой провокации. Я давно за ним замечал какие-то странности, какие-то отклонения в его волчьей психике.

— Да! — опять надолго задумался Медведь-воевода.— Что же ты, такой-расся-

кой мазанный-перемазанный, этой самой — ну, понятно, чьей — сын, раньше мне не докладывал.

— Все хотел, все ждал,— опять замямлил-залебезил-заблеял то ли Ляпкин, то ли Тяпкин.— Вот, сейчас и говорю.

Все Волки-замы вмиг протрезвели, все Волки-замы, как один, уставились своими шокированными волчьими мордами на то ли... — ну, сами понимаете, на кого. И даже Медведь-воевода был сражен наповал тирадой вдруг ставшего не товарищем и не соратником главного Волка-заместителя, а совсем даже и наоборот.

— Повторяю еще раз! — Медведь-воевода обвел присутствующих своим тяжелым медвежьим алчным взглядом. — Что будем делать с негодяем?

Во второй раз все, как один, заместители чуть ли не хором повторили свое первоначальное реноме — никто от своих прежних слов не отказался, все встали горой за своего провинившегося товарища Волка:

— Проспится пускай бедолага: завтра протрезвеет и попросит прощения.

Какие тут начались метаморфозы с мордой, как оказалось, то ли Шакала, то ли Шавки какой, волей случая занесенной в Дубовый Лес в поисках наград и чинов — ни пером описать, ни в этой сказке сказать:

— Да — я, да — мы, да — вы, да — они, да — не хотел, но вдруг захотел, а меня не так поняли. Да — он хороший какими-то местами: задней, левой лапой, что ли, хороший или еще чем. Да — я исправлюсь, поправлюсь, я — всегда за Медведя-воеводу все отдам: до последней капли крови любого из замов и не только...

Мораль — а как же без морали-то? — сей сказки такова:

Под шкурой Волка иногда

Душа?

Нет — не душа:

Душонка подлая Шакала не видна!

И вторая мораль — без рифмы. Мораль, которую попытайтесь угадать сами. Угадали с одного раза? Правильно — место главного заместителя Медведя-воеводы занял — ну, сами знаете кто...

А Лес Дубовый продолжал шуметь-гудеть...

БУМЕРАНГ ШАКАЛУ, КОТОРЫЙ В ВОЛЧЬЕЙ ШКУРЕ

Навестил намеренно проездом Дубовый Лес Грозный Лев, Царь-батюшка всех лесов и полей. Где успели — там выросли «Потемкинские деревни» и проверенный люд лесной на всякие там каверзные вопросы правильные и нужные ответы давал, где не успели...

Где не успели, там пожаловались жители Царю-батюшке (!!!), что, дескать, негде разгуляться нашей молодежи, негде померяться силушкой немалой, да что там — негде простой мячик погонять. Лев не успел и рыкнуть-то на Медведя-воеводу, как тот, грозно посмотрев на своего нового первого заместителя, который в волчьей шкуре, выдохнул:

— Бу... сде!!! И доложено.

Скоро сказка сказывается, да... — как и положено, в старой доброй сказке — не скоро дело делается.

Медведь-воевода в отпуск законный укатил — имеет право, понимаешь. Зиму-то проспал всю — пора и честь знать, на южные моря с новой юной Лисичкой-сестричкой махнуть.

А — хозяйство?

А хозяйством, то бишь рулить Дубовым Лесом — не хитрое дело-то, поди, не Бо-

ги горшки, мол, обжигают — и Шакал в волчьей шкуре справится. Конечно, справится. Бересту накатать в нужный Департамент, отвечающий за образование, — раз плюнуть. Тем более, не царское (хотя — и И. О.) это дело — какими-то мячиками заниматься.

В том Департаменте тоже не дураки сидели, тем более что и у них отпускная пора чуть ли не с сегодняшнего дня начинается. Недолго думая, строчат и отправляют обратно свою депешу-бересту, в которой черным по белой бересте писано: «Нет средств, и не предвидится».

Шакал, который И. О., недолго думая, — а чего, спрашивается думать и чем, по большому счету, думать-то — даже не сменив бересты, черкает свою такую же («Нет средств, и не предвидится») резолюцию и отправляет нарочным в резиденцию Царя-батюшки.

Царь-батюшка Грозный Лев тоже недолго думал: без выходного пособия выгнал Медведя-воеводу, а за растрату казенного имущества и за мздоимство и того пуще: определил в клетку на продолжительный срок; Шакала, который был И. О., также без выходного пособия отправил поднимать хлебопекарское дело в соседний Лес; Департамент который был нужным в одно мгновение стал никому ненужным, и его просто-напросто расформировали.

А футбольную площадку для молодых волчат соорудили в одночасье уже другие руководители Дубового Леса.

НАГРАДЫ

Со времен царя Гороха, а скорее всего, и с более древних времен повелось в Дубовом Лесу — чем плохая традиция? — отмечать всевозможные праздники. И награждать — совсем даже прекрасная традиция! — в эти праздники особо отличившихся жителей; естественно, жителей Дубового Леса; конечно же, в основном отличившихся в ратных трудах; то есть, отличившихся в разных там боях и баталиях дружинников, снискавших неувядаемую славу воинству Дубового Леса.

Честь им и хвала!

Да здравствует непобедимая и легендарная Дружина Дубового Леса! Ура! Ура!! Ура!!!

В очередной такой праздник, на очередном торжественном собрании Медведь-воевода после проникновенно-взволнованной речи — кто-то из ветеранов Дружины даже незаметно смахнул скупую ветеранисто-дружинистую слезу — величаво-торжественным жестом под вспышки множества фотокамер и еле слышное жужжание телекамер поднес к глазам, протянутый ему Лисичкой-референтом, свиток с именами-фамилиями-псевдонимами наиболее достойных и наиболее заслуженных дружинников.

Первым значилась фамилия-имя-псевдоним Главного советника Медведя-воеводы по ветеранисто-дружинистым делам Рыжего-Прерыжего Лиса Патрикеевича, никогда и нигде не принимавшего участия в походах Дружины, но... но по совместительству занимавшего должность супруга-мужа Лисички-референтки. Всего-навсего.

По рядам собравшихся дружинников: и Волков-ветеранов, и необстрелянных Волчат-молокососов прокатилось недовольное, пока еле слышное, ворчание. Следующим в списке значился залуженный ветеран Дружины: матерый Волк-Волчище — Бурый-с-сединой-Хвостище. Поднявшись на трибуну к Медведю-воеводе он из рук Лисички-референтши получает ни много, ни мало самую, что ни наесть самую-самую унижительную награду для Волков, Берестяную грамоту — во как, знай, мол, наших! И неча, скалиться — впредь наука. Кто наемни многоуважаемому Лису

Патрикеевичу хвост отдал и мало того, что отдал — еще всенародно, то есть всезверинно и обозвал нехорошими словами. Редиска какая: жри теперь свою кору — заслужил.

Залуженного дружинника наградили? Наградили — пора и честь знать. Пора награждать и других не менее достойных жителей Дубового Леса.

Жене Хорька-писаря, как с куста, медаль «За боевые подвиги» на грудь самим Медведем-воеводой прикалывается. Сестре — нет, не сестре-милосердия — а сестре Хомяка-завскладом, опять же, как с куста, медаль «За боевые походы» на грудь, опять же, Медведем-воеводом прикалывается.

И пошло, и поехало: что ни награда — то кумовья да сваты, что ни награда, то тещи да любовницы.

— А как вы думали? — поправляя рыжую прическу, нисколько не смущаясь, комментирует Лисичка-референтша. — Про кого напишу приказ, того и наградят...

ТО ЛИ — ВОЛК, ТО ЛИ...

Перевели однажды в Дубовый Лес не то Волка, не то... не поймешь кого. Вроде — свой, вроде — участник, вроде пострадал в кровавом бою за величие Дубового Леса, вроде...

Вот, то-то и оно, что вроде. Недоброжелатели — где их нет? — шушукуются за спиной, дескать, то ли ранение, то ли увечье этот пришлый получил не в жесточайшей сече, а банально совсем даже наоборот. Ехал, мол, он от одной Лисички-сестрички, темной ноченькой возвращаясь к своей законной то ли Волчихе, то ли не поймешь к кому, и приехал. Вернее, не приехал, а буквально, нарушая все писаные и неписаные правила лесного движения (превышение скорости, вождение в нетрезвом состоянии и т. д., и т. п.), вписался неудачно на своем драндулете в одиноко стоящий столетний дуб. Дубу-то, ясное дело, — до фонаря: сотня-другая желудей упала, да, и Бог с ними, с этими желудями, на следующий год новыми обзаведется. Драндулету же не повезло — на запчасти рассыпался, восстановлению не подлежа.

Вояка-лихач — не то Волк, не то не поймешь кто — отделался относительно легче своего драндулета: не рассыпался, а всего на всего отделался тяжкими телесными повреждениями. Тоже — не беда: подлатали лесные эскулапы, где надо зашили-заштопали, где надо отрезали-подрезали, главное — голова цела.

Да — голова! Какая голова на этом и успокоилась бы, переходя из лесной больницы в лесной санаторий и обратно, по кругу. Но эта голова нашего (тьфу, тьфу — не нашего, конечно же) то ли Волка, то ли еще кого сделала финт ушами. Захотелось этой голове во власть идти, поближе к государевой кормушке.

И на всех просеках, на всех полянах несмышленные Волчата-молокососы, прикормленные из рук, то есть, из лап не то Волка, не то еще кого, во всю мощь своих волчьих глоток стали завывать дифирамбы и осанны своему новому вожачку. Лесную прессу подключили. Кабинеты знатных Волков толпами-стаями стали осаждать. Даже Медведю-воеводе пыль в глаза пустили и на уши, эти самые, медвежьи лапши величиной с итальянские спагетти навешали, что, дескать, не только за весь Лес Дубовый, а и за него лично, родного, этот не то Волк, не то незнамо кто, мешками свою непонятно какую кровь проливал. Истек весь.

Медведь-воевода пустил не крокодилю, ясный перец, а свою медвежью слезу и подмахнул надлежащие бумаги.

Вот когда и развернулся во всю мощь этот не понятно кто. На каждой сходке, на каждой встрече, на каждом волчьем слете — только про свои заслуги, про свои мифические подвиги на ратном поле трезвонил, не забывая при этом попутно отгрохивать новый особнячок-логово.

Откуда дровишки, то бишь деньжишки? Все оттуда...

Надумали всем волчьим миром соорудить памятник Волкам, погибшим в разных баталиях за Величие и доблесть Дубового Леса, — честь и хвала всем. Но, как распала-растрезвонила вездесущая Сорока-журналистка, часть этих самых дровишек, осела, правильно, в новом особнячке-логове. Дальше — все просто, все пошло, как по маслу — все, что не только плохо, но и хорошо лежало-сидело-стояло прилипало к рукам, то есть, к лапам новоявленного героя (или — антигероя?).

И — что? Кого-то наказали? Кого-то замордовали? Кому-то хвост прищемили? Кому-то по наглой не то волчьей, не то не понятно какой морде дали? Ага, щас, держи карман шире. Этого самого не то Волка, не то непонятно кого с панфарами и наградами — на почетный и заслуженный волчий отдых со всеми льготами и привилегиями отправили...

Но самое-то главное заключается в том, что рядовые Волки и Волчата все видят, все понимают и возмущаются:

— До коих пор Медведь-воевода будет терпеть это хамство и лицемерие? Неужели он ничего не знает про происхождения этого самого не то Волка, не то непонятно кого, про его, так сказать, «боевые заслуги»?

ХАМЕЛЕОН

На всех сборищах волчьей стаи один — как тогда казалось, единственный громогласный правдолюбец и правдоискатель — Бурый Волчара всегда выступал с критикой не только то ли Волка, то ли непонятно кого, но и других высокопоставленных Волков и Медведей. Срывал маски, нещадно обличая всех и вся, невзирая на лица. И с места «качал права», и к трибуне рвался, так сказать, отстаивая интересы рядовых волков.

Ему верили, к нему тянулись рядовые волки, ему доверяли.

— Вот бы такого в жоаки, вот бы с ним знатно зажила стая, вот бы развернулись во всей своей красе и доблести, забыв интриги, подхалимство, мздоимство и это самое, лизание — сами знаете, где и чего — у прежних волков-вожачков.

В конце концов, этого Волка выбрали в жоаки, и стая зажила... якобы, зажила по-новому. День, неделя, месяц проходит — всего-то на всего месяца хватило — и новый, так сказать, вожак ничем не стал отличаться от прежних Волков-вожачков.

То же — лицемерие, те же — приближенные к телу, те же — пустобрехство и показуха, те же — личные интересы, то же — свое и только свое мнение, то же — абсолютное пренебрежение рядовыми волками...

И повсюду слышно:

— Только с моего разрешения... Без меня — ни единого шага... и т. д., и т. п.

На все протесты рядовых волков, на все возмущения — в ответ его коронное рычание, похожее на бляение:

— Довольствуйтесь моральным удовлетворением!

Тимур Зульфикаров
(г. Москва)

АПОКАЛИПСИС XXI ВЕКА *

Тимур Касымович окончил Литературный институт в 1961 году. Автор 20 книг прозы и поэзии, тираж которых превысил миллион экземпляров. Широкую известность приобрели его романы о Ходже Насреддине, Омаре Хайяме, Иване Грозном, Амуре Тимуре и монументальное повествование о жизни и загробных хождениях современного поэта — «Земные и небесные странствия поэта». Это сочинение было отмечено премией «Коллетс» (Англия) за «Лучший роман Европы-93». Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» за «Выдающееся художественное произведение русской литературы» в 2004 году за книгу «Золотые притчи Ходжи Насреддина». Премии «Лучшая книга года» в 2005 году за роман «Коралловая Эфа». Премии Антона Дельвига (2008), премии «Хартли-Мерилл» (Голливуд) за лучший сценарий (1991).

Много и плодотворно работает в области драматургии театра и кино. Автор сценариев более 20 художественных и документальных фильмов, многие из которых отмечены наградами национальных и международных фестивалей. В том числе: «Человек ухаживает за птицами» (реж. А. Хамраев, 1974) — Международный кинофестиваль в г. Дели. Приз «Серебряный Павлин» за сценарий к фильму «Черная Курица или Подземные жители» (реж. В. Гресь, 1980). Главный приз Московского Международного кинофестиваля; «Миражи любви» (реж. Т. Океев, 1986) — приз «Золотая Сабля» — Международный кинофестиваль в г. Дамаске.

Регулярно печатается в газете «Завтра» и в журнале «Приокские зори».

БАБУШКА ТАНЯ...

Бабушка Таня живет в калужской деревне Дураково. Одна она осталась в деревне.

А жители деревни Дураково оказались не дураками — давно от реформ людоедских перестроечных сладко бежали, переселились на вечное жилье, на ближайший погост, где их уже не достанут никакие реформы...

Бабушка улыбается:

— Хитрые мои земляки-дураковцы — от Ельцина да Горбачева никуда не денешься — а они нашли приют вечный на погосте и там вечно, в Раю, выпивают, радуются...

* Продолжение; начало см. в «ПЗ» № 1, 2015.

В аду, в аду, сынок, мы нынче живем!..
В земном аду пьяном нищем, а значит, в небесах — нам сужден рай!..
Потому что в аду мы уже были...

А я все тут задержалась...
У меня ведь козочка Фенька — жаль ее покидать! Одну на земле оставлять...
Мы ведь с ней подружки — с козой...
Я ее язык козий уже понимаю, а она мой — человеческий...

...Старуха любовно гладит козу по шелковым волосам снежнобелым, холеным...
Коза у старушки ухоженная... лоснится чистотой козьей... глаза умные, янтарные,
медовые... глубокие... уже человечьи...

— Сынок, пойдем в избу... побалую тебя козьим молочком и творожком...
Скоро на Руси и коз не останется, а коза — это последняя надежда русская...
Если уж и козам невтерпеж жить — значит, конец Святой Руси пришел...
Последняя соломинка перетерлась... зачала...

Я тут вспомнил чье-то умное изречение: «Голодная коза — это четырехногий
бродячий Иероглиф нищеты и беды...»

Старуха протягивает мне банку с козьим молоком...
На молоке — жемчужно-золотая сладчайшая пленка сливок...

Я пью крупитчатую густую парную млечную живительную струю...
Так, наверное, новорожденный младенец-слепыш пьет свежую материнскую ра-
достную грудь...

Я благодарно, по-сыновьи, гляжу на старую женщину...
Все старые женщины похожи друг на друга...
Все похожи на мою усопшую матушку...
Человек на земле зря думает, что у него одна матушка...
У всякого человека на земле много матушек теплых...
Надо только открыться и полюбить всех старых одиноких женщин, и ты уви-
дишь, учуешь в них родную мать... матушку... мамочку... маму...
И я увидел...

На шее у бабушки Тани колеблется дышит маленький оловянный крестик...
Такой вешают на шею усопшим, и с усопшими он уходит в землю, а оттуда в Ве-
λικое Золотое Царство Небесное... которое нынче, в земном аду торгашей и казно-
крадов, уготовано всем русским страдальцам — а их — весь русский народ...

Вот так народ — до нитки обобранный и пригнетенный — заслужил Рай...
Наверное, Рай — это Вечный Приют бедных... богачей там не встретишь... кроме
Апостола Петра с Золотым Ключом...
А у всех остальных райских жильцов — лишь оловянные крестики...

...Я гляжу на бабу Таню — шея, шейка у старушки нежданно молочно-молодая
березовая...
Может, от козьего целебного молока... или от души необъятно доброй...

...О, Господь мой!

А ведь на этой! да! да! да! на этой шее-шейке жемчужно молодой, березовой и сидят! уселись!.. пируют!.. хохочут!.. гуляют!.. жируют!.. все эти президенты! премьеры! олигархи! бизнесмены! депутаты! эстрадные звезды и телекумиры!..

На этой шее-шейке угнездились и радуются они!..
На этой!.. на этой...

О, Боже!..

А Она улыбается!
И оловянный крестик на шее-шейке младой ее колыхается... дышит... лучится...
Как бриллиантовый...

А Она улыбается, аки Богоматерь улыбалась в Вифлеемских Соломенных Яслях Новорожденному Агнцу... Богу... Мальчику...

О, Боже!..

Пока Властитель Хозяин Руси не бросит свои бесконечные, бессмысленные странствия по чужим народам и государствам и не придет в избу к старухе Тане (и к другим таким старикам и старухам), и не выпьет с ней козьего молочка, и не погладит козу, и не поправит ее трухлявую избу, и не освободит русское поле от бурьяна, и не пошлет на поле сиротское молодых русских землепашцев — до той поры Русь будет хиреть, погибать в бурьяне, а не восставать, играть, ласкаться с богатыми пшеницами, льнами, ржами и овсами!.. как со своими возлюбленными чадами!..

О, Боже!..

Когда молчат люди-рабы, тогда Господь вопиет и повелевает...

Господь!.. Небесный Хозяин Руси!..

Когда же прикажешь земным хозяевам, властителям слепым, заблудшим, дрожащим?..

Когда изгонишь торговцев из святой Руси, аки из Того, Незабытого Вопиющего уже два тысячелетья Храма... Храма... Храма...

Господь!..

Когда же?..

А бабушка Таня улыбается...

Как Богородица — Богоагнцу...

На Этой Улыбке — стоит Святая Русь...

Да и Весь Мир...

Но надолго ли хватит Ее?..

БУРЬЯН

...Я еду, а потом иду, бреду по пустынной земле русской... по тульской... по псковской... по орловской...

Везде объявленья: продается земля... продается...
Торгаши, торговцы, которых Спаситель изгнал из Храма — пришли и сюда...

Земля продается!.. Продается Русское поле!.. Продается Русская История!..

А почему тогда не продается небо?.. воздух?.. звезды?.. ветры?..

Так хочется навек купить весенний ветер с запахами цветущих черемух и сирени...
Так хочется вечно дышать, купаться, любить в черемуховом сиреневом ветре...

Если торговцев не изгнать из Храма — они разрушат храм...

Есть изречение: цари проливают реки крови, тираны — моря крови, а слабые правители проливают океаны крови...

И вот слабые властители не уняли торговцев, и они разрушили Храм Руси...
И пролили, и проливают Океан Крови...
И устроили Всеобщий Базар...

А мудрецы говорят, что ад — это кишачье торжище... это вселенский рынок, базар, где все продают и предают все...
Базар — это Времена Двенадцати Иуд...

...Я иду по земле брошенной, пустынной...
Везде бурьян — хозяин земли русской...

Пятнадцать лет назад я шел в пустынном псковском поле и вдруг вспомнил о военном голоде...

Во время Великой Отечественной войны я, мальчишка, как и все, весело голодал: ел жмых, кору деревьев, угольную смолу (это было лакомство, как конфеты ныне!), цветы акации...

И вот, в нынешнем поле забурьяненном, мои десны, язык, гортань — вспомнили этот жмых, кору, смолу... вспомнили голод...

...Ах, братцы-демократцы! Да ведь в нашей стране царит бурьян, а значит, и Голод...

Только этот Голод не объявлен... он тайный!.. немой!..
О нем молчат свободлюбивые СМИ... ТВ... Интернет... и др.
Сытые всегда молчат о голодных...
О, Боже!..

Но 37 год тоже не был объявлен...
Мой отец необъявленно, безвинно погиб тогда...
37 год тоже был тайный... немой...

Наш — по-обезьяньи взятый, снятый с Запада нынешний скороспелый, червивый капитализм — не пускает мужика-хлебопашца к родной, кормильной матушке-земле...

Между крестьянином русским и землей русской нынче — стоят войска... охранники, которые охраняют своих убийц и растлителей... омоноопричники и тайная полиция...

Между питающей грудью матери и новорожденным — стоят танки и пушки... Целые дивизии!.. Армия стоит...

А мы покорно и немо голодаем и поедаем радостно остатки с Западного Стола... Мы носим их джинсы... Мы хватаем восторженными руками их осколки, обмылки... Мы слушаем их музыку джунглей... Мы живем их давно переваренными и выброшенными на помойку идеями капитализма...

Глядим их фильмы людоедские...

Мы едим их падаль...

Мы — гиены, а они — волки...

О, Боже!.. Как Ты попускаешь?..

И за какие вековые русские грехи?..

Я гляжу на Русскую Историю — и не вижу таких глубинных безнадежных грехов, за которые Такая Кара в полях бурьяна нам послана...

Может быть, за расстрел Царя-батюшки и Безвинного Семейства в ипатьевском подвале, откуда доселе течет кровь...

О, Боже!..

И я вспоминаю недавние хлебосольные деревни при дороге, где улыбчивые крестьяне всегда продавали картошку, мед, куриц, цветы и горячие пирожки с мясом и картошкой...

Ах, родные бывшие крестьяне-кормильцы!.. ах, пирожки с мясом, горячие даже в самые студеные морозы!..

Где ж вы? куда ж вы сгинули?..

Кто убил? Зарыл вас?..

Окрест одне пустые — даже не заколоченные избы...

Если изба не заколочена — значит, нет надежды, что хозяева вернуться...

А кто возвращается с погоста, которым стала Русь необъятная...

Только жгучая напрасная слюна горчит во рту...

Да стоят при дорогах частые памятники с бумажными цветами — погибшим в автокатастрофах...

И их множество — этих бесконечных русских катастроф в Эпоху управляемого из Карфагена-USA Хаоса и гнилой Свободы...

Но!..

Вспомним: Карфаген должен быть разрушен!..

И Он будет разрушен... хотя мне жаль...

...Голодный, как в Великую Отечественную Войну, я бреду, седовласый, согбенный, как брошенная изба, в русском голодном поле...

Во время Войны мы варили и ели сныть...

А бурьян можно варить и есть?..

...Эй, господа, пронсящие в черных слепых джипах!..

А вы ели, хлебали суп из бурьяна?..

Этот русский деликатес Последних Времен?..

...И тут я вспоминаю свое стихотворение «Второе Пришествие Христа»:

...Здесь ночью бурьян дорастает до звезд!

Здесь жены и дети пьют водку!

Но именно здесь, на Руси, пойдет по водам Иисус Христос,

Отринувши смерть, как лодку...

О, Спаситель наш! Когда придешь и нас спасешь...

В бурьянах необъятных...

Когда молчат умученные человеки — говорит Господь...

И нисходит с небес на самую несчастную землю...

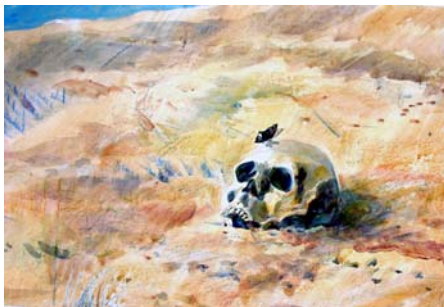
К самому Страждущему на земле — Святому русскому Народу...

О, Боже!..

ВЕЛИКИЙ СОВЕТСКИЙ РЕНЕССАНС.

...В Москве — капитализм, а в стране — феодализм...

Ходжа Насреддин

...Проезжая на своем седом осле по еще дымящимся развалинам СССР, тысячулетний мудрец Ходжа Насреддин, который видел гибель многих Империй и беседовал с царем Соломоном — о мудрости...

С Конфуцием — о Государстве...

С Чингисханом — о Войне...

С Махатмой Ганди — о Силе Ненасилия...

Сказал:

— О, Господь!.. О, Всевышний!

А ведь мы, слепцы, проглядели, проспали, продали за копейки Великий Советский Ренессанс!..

Сервантес говорил, что тех, кто искажает Историю, надо казнить, как фальшивомонетчиков...

И вот кучка таких фальшивомонетчиков-торговцев во Храме, которых изгнал Спаситель — разрушила СССР с тайной помощью Троянского Коня — USA...

И доселе глумится на Могиле СССР, проклиная убиенных...

Убийцы проклинают своих убитых, палачи всегда боятся и ненавидят своих жертв...

СССР нуждался в лечении, но под видом врачей пришли убийцы...

Китай тоже нуждался в лечении — и Он излечился, и скоро станет Первой Державой Мира...

Китайская древняя конфуцианская государственная Медицина-Машина оказалась сильнее американской смертоносной «Бациллы-вируса Демократии»...

Поразительно: когда мы жили в живом СССР — мы не верили советским идеологам, которые говорили, что СССР — самое демократическое государство, где мальчишка из деревни или горного глухого селенья мог стать академиком...

Где любой неказистый мужичонка имел работу, зарплату и цель в жизни...

Где не было олигархов-людоедов и униженных до гроба бедняков...

Где нефтяной скороспелый магнат не мог получать в миллион раз больше денег, чем крестьянин, рабочий или сельская учительница...

Где были бесплатные медицина и лучшее в мире образование (Папа Римский недоумевал: как можно было от этого отказаться)...

Где транспорт, жилье и электричество были доступны каждому человеку, иначе самая холодная и большая в мире страна остановилась бы...

И вот Она остановилась, когда торговцы-властители объявили мировые цены на наше сырье внутри страны, и страна стала мертвой, «не конкурентноспособной», «не рентабельной», как и само дыхание русского человека...

Кипящую жизнь заменили повальной смертью...

Гиены стали пасти Стадо...

...Но мы презрительно не верили скучным нашим идеологам, когда они говорили, что капитализм — это зло, это — «визгливый ручей богачей и немой необъятный океан бедняков...»

Мы верили веселым добродушным американцам, которые говорили, что «СССР — Империя Зла...»

Истина всегда скучновата, а ложь — весела, разнообразна, притягательна...

И вот СССР разрушен американскими хитроумными мастерами информационных тайных войн — и что же мы узнали на развалинах СССР?..

Где триста миллионов работающих, счастливых, знающих цель своей жизни людей превратились в несколько дней — в кишачий страшный Базар Нищих!..

Где Торговцы, которых не изгнал Спаситель из Храма — разрушили Храм, и на Его развалинах затеяли Всеобщий смертельный Рынок, Банк, Базар, где продается все! и вся! и все!..

Ад — это и есть необъятный Базар нищих...

...И вот Ад пришел на Русь...

...Конфуций говорил, что самое великое завоевание человека — это Государство!..

Государство — это Корабль с народом...

Гибнет Корабль — гибнет Народ...

И вот Советское Государство-Корабль было брошено на Рифы Базара и разбито, разворовано, распродано по всему миру — всемирным ушлым Торговцам- Гиенам!..

За копейки!..

...О, Боже!.. Друзья!.. Братцы!..

Бывшие советские люди, а ныне — господа нищие, униженные до предела новыми хозяевами-торгашами!..

О, Боже!.. О, прозревшие на развалинах Дома своего!.. Своей страны!.. Своего СССР!..

И вот оказалось, что все, что говорили скучные советские идеологи о СССР и о Западе и что мы считали глупой ярой ложью — было правдой!

О, Боже!..

А то, что нам внушали сладкоречивые американцы и что мы считали правдой — оказалось ложью!..

Вот она — дьявольская информационная Ложь!.. Война!.. Игра смыслов...

Переворот идей!..

Затуманивание вялых послушных мозгов!..

Вот называли СССР — «Империей Зла», а нынче всякому ясно, что Империя Зла — USA, которая сладострастно топит в крови, бомбит любой народ на земле!..

Как опытные снайперы расстреливают беззащитный безответный детдом или ясли...

Дети горят...

И мы прозрели на развалинах — да поздно!.. поздно...

Дом сгорел!..

Но Он не сам сгорел — как нам внушают... его искусно, умно, смертельно, хищно, умело подожгли!..

И извне! И изнутри!..

Империи всегда погибают от внешних варваров, вандалов...

А тут внешние варвары — американские советники — трогательно, нежно сошлись, соединились с внутренними врагами... жуками-короедами, многочисленными алчными, продажными троянскими конями СССР...

Но!..

Но вернемся к убиенному варварами семидесятилетнему СССР...

А ведь СССР был и останется в веках как Великий Советский Ренессанс, не уступающий ни в чем Высокому Ренессансу-Возрождению...

А что такое Великий Ренессанс?..
Это Великие Имена!..
Это Высокие Вечные Души!..
Это Плеяда Гениев!..

Вот несколько Великих Имен Советского Ренессанса!..
Вот Оно — Великое Бриллиантовое Ожерелье Великих Людей!..
Эпоха Гигантов!..
Итак!..

I. Политика и государство: Генералиссимус Сталин!.. Маршал Жуков!..
Маршал Рокоссовский!.. Премьер Косыгин... Министр Громыко...

II. Наука: Академик Келдыш!.. Академик Курчатов!.. Академик Сахаров!.. Академик Ландау!.. Академии Королев!.. Академик Александров!.. Академик Туполев!.. Академики — братья Вавиловы!.. Академик Уткин!.. Академик Вернадский!.. Академик Семенов!.. И вся Академия Наук СССР, создавшая Первый Спутник!

(Ау!.. Где ты, нынешняя, раздавленная торгашами Наука? Что сотворила?.. Где Твои Нобелевские премии?.. Ау!..)

III. Литература: Шолохов!.. Булгаков!.. Платонов! Твардовский! Леонов! Пастернак! Ахматова! Рубцов! Амираджиби!.. Шукшин!.. Распутин!.. Белов!.. Проханов!.. Бунин и Набоков — хоть и эмигранты, но Овидий Назон и Данте тоже были таковыми...

Это гении!

А сколько талантов!.. Оранжевая талантов искрометных!..

А сколько национальных талантов в республиках! Один Чингиз Айтматов накроет весь графоманский постсоветский блеф-океан! С его Акуниными и Пелевиными...

IV. Философия: Лосев!.. Флоренский!.. Розанов!.. Бердяев!.. Ильин!.. Франк!.. Шестов!.. Мамардашвили!.. Ильенков!.. Бахтин!..

V. Музыка: Прокофьев! Шостакович! Хачатурян! Свиридов! Овчинников (еще живой классик, великий симфонист, засыпанный при жизни песком забвенья, как вся русская Культура!)! Рахманинов! Стравинский!..

Где нынче такие гиганты?

Али все придавлены могильной «плитой шоу-бизнеса»?!..

Не зря Андре Жид говорил, что Искусство расцветает в неволе — и умирает в свободе...

А Бродский сказал, что Империи создают Культуру, а Демократии — макулатуру...

VI. Кинематограф: Эйзенштейн!.. Довженко! Параджанов! Братья Михалковы!.. Тарковский!.. Грузинское кино!.. Бондарчук!.. Данелия!.. Мотыль! Гайдай!..

А нынче российское кино — это жалкий провинциально-колониальный филиал, задворки Голливуда!..

Ни одного свежего имени! Ни одного фильма! Ни одного режиссера!..

Российское Пустынь-кино!..

Зачем нищее государство тратит на него деньги?.. Никто не смотрит на эти забавы эпигонов Голливуда...

Лучше бы отдали эти деньги на детдома и больницы...

VII. Живопись: Петров-Водкин!.. Дейнека!.. Кандинский!.. Пластинов!.. Эрзя!.. Кончаловский! Шагал! Глазунов!.. Чистяков (неоткрытый гений)!..

Русские иконописцы: Зинон... Артемьев!..

Армянские мастера: Сарьян!.. Бажбеук-Меликян!..

VIII. Балет: Уланова!.. Плисецкая!.. Павлова!.. Васильев! Максимова!.. Лиепа!.. Барышников!.. Нуриев!..

Два последних — бежали, эмигрировали из СССР, но их талант расцвел в СССР!..

Но они захотели много денег...

Мудрецы говорят, что у Бога нет денег...

Все деньги — у сатаны...

И потому тот, кто бежит к деньгам — бежит к сатане...

IX. Эстрада: Райкин!.. Утесов!.. Шульженко!.. Орлова!.. Вертинский!.. Русланова! Высоцкий!.. Окуджава!..

А нынче Времена имитаторов, пародистов...

Известно, что сатана — обезьяна Бога...

И, соответственно, пародисты, имитаторы — обезьяны талантов...

О, Времена Имитаторов во всех областях жизни!..

Но!..

...О, Боже!.. Где? В какой стране в XX веке явился такой Алмазный Букет Великих Творцов?..

Поистине, Эпоха Титанов!..

Вот Он — сверкает нетленным Алмазом в веках — Великий Советский Семидесятилетний Ренессанс!..

О котором мы стыдливо, тупо, слепо помалкиваем, задавленные демагогами и хитроумными врагами Русского Государства...

А значит, и врагами самой Жизни...

Ибо без Государства Народ погибает...

Тонет «Титаник» — тонут все пассажиры, кроме жалкой кучки спасшихся...

И что, на жалких лодочках Народ должен плыть в бушующем Океане Истории?!..

И что, когда 220 дивизий Вермахта пересекли границы СССР — мы вышли бы на встречу с ними с родными, друзьями и знакомыми?..

Так сказать, Личность, Семья, Друзья — против Государства?.. против Великих Армий?

Ха-ха!.. Какая страна, какой народ верит в этот смертельный бред?..

А мы поверили...

Я уж не говорю о великих социальных достижениях СССР, где не было безработицы! пьянства! наркотиков! паленой водки! смертельной, кричащей, поголовной нищеты!

Где была любовь, а не секс за деньги!

Где люди жили и погибали «за други своя»!..

Где была истинная дружба народов, а не кровавые гражданские войны!..

Где не продавали за границу детей!..

Где все учились и читали книги!

Где у народа и государства была Великая Цель — служение Народу и Государству!..

И вот странность: Церковь при коммунистах испытывала гонения — и тут великие глупость и грех смертный Советской власти...

Но большинство людей советских жили по Заповедям Христа!

А нынче, когда Церковь в расцвете и бесконечно возводит и восстанавливает храмы — большинство людей живет не по Христу, а по животу...

Люди утратили любовь друг к другу... оскудели души любовью...

Деньги стали богом многих...

Древнее язычество проснулось в ослепших душах...

А погоня за земными благами — ведет к тотальному одиночеству...

Аятолла Хомейни сказал: Народы погибают от страха смерти и любви к земным благам...

Китайский мудрец сказал: Задача Императора — в справедливом распределении богатств...

А как у нас распределены эти богатства — мы знаем...

Кривое Коромысло, где в одном ведре — золото, а в другом — вода...

И это Коромысло — на плечах у каждого из нас...

Много на Руси стало несчастных... одиноких... равнодушных к ближнему... ищущих забвенья в водке... в дьявольских наркотиках... в плотских, жалких утехах... в мертвом интернете... в дрессированном ТВ... в адских, лживых СМИ...

Воистину, всякий российский нынешний человек окружен агрессивным, вопиющим адом!..

Особенно жаль молодежь, которая утратила связь с родителями и, тем самым, с Великой Историей России!..

Поистине, самое страшное восстание на земле — это Восстание Сынов на Отцов, которых бесы называли «совками», а Дочерей — на Матерей!..

...Но вернемся к Великому Советскому Ренессансу, над могилой которого глумятся и кликушествуют многочисленные бесы...

Бесы проклинают СССР, который они же и убили...

А убийцы боятся Суда!..

Есть изречение: Цари проливают реки крови... тираны — моря крови... а слабые правители проливают океаны крови...

Нынче пришли, стоят, как болота, Смутные Времена на Руси...

Времена слабых правителей-торговцев...

Времена океанов народной немой крови...

Конечно, и в СССР, где царил тиран — текли моря крови...
И это было страшно!.. Увы! увы!..

Но Великие Идеи!.. Великие Религии!.. Великие Деянья — увы, поливаются Великой Кровью, как розы гранатовые обильною водою... Увы!.. Увы!..

Вспомним страданья Моисея!..
Муки Христа и первохристиан!..
Священные Войны Пророка Мухаммада!..
Кровавые тюмени Чингисхана!..
Увы! Увы!..

Но отсутствие Великих Идей, этот Солончак, Пустыня — поливается, сопровождается Океанами Крови!..

И мы — увы! — нынче плывем, живем в этих безмолвных океанах!..

Можно миллионами убивать людей не пулями и ракетами (что тоже в избытке), но и нищетой, пьянством, болезнями, наркотиками, интернетом, тотальной ложью, сексом, СМИ, шоу-бизнесом...

Сатана многолик...

Чего ж мы молчим о них, а, братья мои?..

Иль вы все еще пляшете глумливую победную пляску на Могиле СССР?..

И не хотите, страшитесь возопить о нынешних свежерастущих могилах и кладбищах?..

...О, Боже!..

В заключение привиделась мне одна картина...

...Вот стоят у Пирамиды Хеопса туристы со всего мира и восхищаются Великой Пирамидой! Рукотворной Горой...

Говорят, что Время убивает все и вся, но Оно бессильно перед Вечными Пирамидами...

Памятниками Великих Империй!.. И Фараонов!.. И Народов!..

Но вот один бородатый лысеющий Турист начинает сладострастно, умалишенно вопиять:

— О, люди! О, слепцы!..

И чего вы любуетесь этой Горой Камней?!..

А вам не жаль бедных феллахов-строителей, которые миллионами погибли, полегли здесь?..

Вам не жаль этих безымянных мужчин и женщин?..

Где, где их косточки?..

И он рыдает и размазывает сладостные слезы сострадания к давно усопшим... (чем-то он похож на глубокоуважаемого мною Александра Солженицына, который, как сказал один критик недальновидный, «во имя безвинно убиенных готов был закопать в землю всех живых...»)

А Бородач кричит:
— О, люди!..
О, слепые, жестокие потомки!..
Вам не жаль феллахов?.. не жаль?.. не жаль?..
Где, где их косточки?..

Бородач рыдает... Слезы падают на Пирамиду...

Все Туристы потрясенно и виновато опускают повинные головы...

Кто-то испуганно возразил:
— Но ведь благодаря этим Вечным Пирамидам мы и вспоминаем о бедных, безымянных феллахах...
А иначе кто бы вспомнил о них?.. об их косточках?..

— А я плевал на Эту Пирамиду! И на Фараонов! — заходится в слезах осмелевший апостол сгинувших феллахов, которые, кстати, потом отомстили мертвым Фараонам, похитив Их золотые украшения и распродав по музеям Их беззащитные Мумии...

...Тогда Туристы испуганно разбредаются от справедливых воплей и криков опоздавшего на много столетий заступника феллахов...

Но тут с исполинской Пирамиды вдруг посыпался песок и поскакал с несметной высоты обломок древнего камня или плиты...

Обломок опасно пролетел рядом с головой Любителя Феллахов...

Тогда он рванулся и со скоростью молодого снежного барса побежал прочь от Пирамиды с криками:

— Вот! Вот!.. Фараон хочет отомстить мне за феллахов!..

...А потом туристы радостно уехали в автобусе, а Бородач одиноко вопиял у Пирамиды:

— О, феллахи!.. Родные мои Феллахи!.. Где ваши бедные косточки, братья!..

Долой Фараонов!.. Долой Пирамиды!.. Да здравствуют феллахи!..

Но уже никто не слышал его...

...О, Боже!
Господь!
Ты знаешь!.. Ты попускаешь!..
Да! Воистину!..

СССР — это Вечная Великая Пирамида!..

Это Великий Памятник — и Фараонам!.. и Феллахам!..
И жаль тех, кто клеветает и покушается на Вечность и Величие Ее!

Да не прольется на них Песок и не падет Камень Фараона!..

Но!..
Пусть они любят пустыню, а не Бессмертные Памятники Вечного Человечества!..

P. S. Однажды Ходжу Насредина пригласили выступить в школе.

Великий Остролов пришел в первый класс, к малышам, и, улыбнувшись, спросил:

— Дети, отгадайте загадку!.. Три шакала разогнали стадо из 300 миллионов баранов!.. Кто эти шакалы?..

В классе воцарилось молчанье...
Никто не знал отгадки...

Тогда Мудрец добавил:
— Три хитреца-подлеца обманули трехсотмиллионный народ...
Кто назовет их имена?..

В классе опять стала тишина...
Но тут один смысленный веселый мальчик закричал:
— Я знаю!.. Это Горбачев! Ельцин! Яковлев!.. Они уничтожили СССР и весь трехсотмиллионный советский народ!..

Мудрец обнял мальчика и пошел из класса...

Тогда юная тугая учительница нежно зашептала:
— О, великий мудрец, а почему вы пришли в первый класс?..

Ходжа улыбнулся:
— Потому что уже во втором классе все знают имена этих шакалов...

(Окончание следует)

Александр Сорокин
(г. Тула)

ОЛЬГА. ПРИЗНАНИЕ В...
Заметки по истории современности

Гости были уверены, что их встретят с надлежащими почестями. На ладьях, нагруженных богатыми подарками, они ждали достойной встречи. Казалось, что действительность превзошла все ожидания. Встречающие взялись донести их в ладьях до площади перед дворцом. Недоуменно смотрели они на эту процессию, на то, как опускают их вместе с ладьями в вырытые ямы. Недоумение сменилось смертельными ужасом, когда их стали засыпать землей живыми.

Все это казалось мне чрезмерным. Конечно, гости самонадеянно явились к Ольге, после того как их соплеменники убили ее мужа, приехали свататься и надеялись все уладить подарками. Да и окружение Ольги просило не портить отношения с древлянами и по-прежнему собирать с них изрядную дань.

Ольга (Хельга)

Я с интересом смотрел на твердую, но всегда сдержанную Ольгу. А здесь она не только повышала голос, она кричала. А посланцы с Востока молчали и тот же самый смертельный ужас закапываемых заживо запечатлелся в их остекленевших глазах. Еще бы! Дойдя без потерь до второго курса медицинского института, где лестью, где изворотливостью, они рассчитывали, что все будет хорошо и далее. Что могли они ждать от этих русских, если те и детей своих называли Марсеями и Кристинами. Да в крайнем случае и из посольства не исключался звонок. И тут на их пути и на пути всех ходатаев встала Ольга-воительница. Непреклонная Ольга, перед которой ничего не стоили просьбы закапываемых заживо и их заступников.

Мне, признаться, было жалко таких вежливых, таких обходительных, таких неспособных постичь тайны медицинской биофизики студентов. С другой стороны страшно было испытать Ольгино недоумение и презрение. И выход из этой дилеммы был один — уход в отпуск.

Может быть, русские были изначально мягки, а Ольга изначально была, как сообщают некоторые источники, и не Ольга вовсе, а Хельга, происходившая из скандинавского рода и только после возведения в святые нарекли ее славянским именем.

Размышления о том, какая была бы у нас история, если бы мы хотя бы вчетверть были такими же как Ольга неуступчивыми в главном не давали мне покоя. В нашей памяти, в том числе и в исторической очень силен личностный компонент. А Ольгу всегда тянуло в историю, и за собой она тянула студентов с экскурсиями по кладбищам и музеям.

Старинное тульское Всехсвятское кладбище оказалось едва ли не в центре Тулы. С одной стороны примыкала к нему улица Макса Смирнова, того самого вождя Тульской молодежи, под руководством которого шло в двадцатые годы уничтожение крестов на могильных памятниках. С другой стороны соседствовал с кладбищем дом на улице Тургеневской, в котором, как сообщила мемориальная доска из красного мрамора, работал председателем губернской управы князь Г. Е. Львов. Тот самый мрачного вида господин, страдающий эпилепсией, который вознесся до первого председателя Временного правительства, тот, с которого и числим сползание России из князи да в грязи, от Г. Е. Львова к Максиму Смирнову. Такими двумя многозначными символами встречало своих удрученных посетителей кладбище. А и то сказать, так ли уж далеко от кладбища расположились улицы, названные в память людей с террористической жилкой, Софьи Перовской, Степана Халтурина? А если еще поближе к нашему времени поразмыслить — ну, подумаешь, кресты на кладбище крушили. А что, православные из другого теста? Из того же! Только их гнев направлен на барельеф Мефистофеля в Петербурге, да на Тангейзера в Новосибирске.

Так ведь и не на всякий памятник накинешься. Вот распластался на набережной Упы музей оружия, полностью подавив и не полностью заслонив собой изящную церковь Николая Зарецкого. Самодовольными своими формами он грубо-материально иллюстрировал слова поэта: «Все возьму, сказал булат». А ни один православный активист и ухом не повел. Вот недалеко от музея оружия возвышается памятник Левше. Мастер этот сломал дорогую английскую игрушку. Лесков так и пишет, что после того, как блоху подковали, она прыгать перестала. Если это и мастерство, то какое-то без души, выморочное. Не зря в народе говорится: «Левша — кривая душа».

Прервав свои размышления, я стал внимательно смотреть на студентов. Они рассеянно слушали рассказ экскурсовода о врачах, похороненных на кладбище. Не ощущалась, была утеряна живая связь времен. Плотно были закрыты те двери в прошлое, символами которых являлись могильные холмики.

Смеркалось от набегавших туч. Недвижный воздух пропитался застывшей, все очищающей влагой. Она смывала все наносное. Казалось, еще чуть-чуть и мы узнаем

загадку жизни, загадку смерти. Давно разбежались освободившиеся от уз экскурсовода студенты. А мы с Ольгой все стояли и смотрели, зачарованные этой недвижимостью. Внезапно нам на глаза попала ограда, напоминавшая птичью клетку. Могильный холмик со всех сторон и сверху тоже был замкнут стальными прутьями. Что это могло означать? Сразу вспомнилась история Петра и Февронии. Их памятник, широко растиражированный по городам и весям нашего отечества, поставлен и у нас в кремлевском саду. История этакого православного хэллоуина, когда скелет Февронии перекочевывал из своей могилы в могилу Петра. И может быть обитатель могилы — клетки хотел застраховаться от подобного развития событий. Но, поразмыслив, показался нам этот сюжет слишком литературоцентричным. Тоже мне, Петр и Феврония, символы супружеской верности. На чем основана эта верность? Вот Феврония поучает попутчика на корабле: «Зачерпни с одного борта воду, с другого — вся вода на вкус одинакова». Так и современный поэт пишет: «Нас этот заменит и тот, природа не терпит пустот». Так какой же бес толкает нас на возведение всех этих памятников? Может такими деяниями мы лишаем людей живого чувства истории, как протяженного в веках человечества? А молодежи вместо родного дома оставляем Дом 2 с интернами впридачу.

У выхода с кладбища вспомнились сцены начала восьмидесятых годов прошлого века. Пасхальная ночь. Плотно закрыты массивные ворота на кладбище. Через узкую калитку пропускают только избранных. А толпа, жаждущая зрелищ, возмущенная такой несправедливостью, все напирает и напирает на ворота. И чем ближе к полночи, тем сильнее напор толпы, разгоряченной спиртным да разудалой музыкой, несущейся из раскрытых окон расположенного на улице дома. И вот кульминация пасхальной ночи. Толпа все же разламывает ворота и с дикими воплями лавиной устремляется к паперти, сминая православных. Думаю, татары так не наседали на них.

«Неужели Вы придерживаетесь этой идеологии?» — вопрошал меня в те же годы парторг пединститута после того как я перекрестил отца на его похоронах. Цена вопроса — моя работа в институте. И освобожденно, ничуть не кривя душой, я сказал: «Нет». Вера-верой, идеология идеологий.

«Запомните,— вещал в те же годы, пришедший в больницу к нам, врачам, лектор из обкома КПСС,— даже если вы окрестите ребенка во Владивостоке, через неделю мы узнаем об этом». И, возвышаясь над нами крупной, вальяжной фигурой, окидывал грозным взглядом всех нас, потупившихся перед этой угрозой.

Какая уж тут идеология у обезбоженного, столько лет пребывавшего у нее в нетях, наделавшего столько преступлений и безо всякого раскаяния народа. Кого мы снова славим, забыв, что покойников с погоста не носят?

Снова и снова вглядываюсь в лицо святой равноапостольной Ольги в росписях Владимирского собора в Киеве, повторенных в новоотстроенном храме Нерукотворного Спаса в Сочи. Она непримирима и гневна у В. М. Васнецова, задумчива и нежна у М. В. Нестерова. Она — одна из самых загадочных фигур русской истории. Наш житейский опыт ничего не говорит о ней, неприменим к реалиям Древней Руси. Куда понятнее ее современники. Владимир — былинный герой, Ярослав соотнесен с книжной культурой. Иное дело Ольга. Как пишет современный исследователь, ее окружали сказки, легенды. Добавлю к ним еще одну. Впрочем, история эта не вымышлена.

Запись моего рассказа об Ольге затянулась. Уже поздней ночью я собрался пойти за водой в колодец. Дорога к нему шла через лес. Этот колодец, именуемый святым, всегда привлекал людские страсти. В моей детской памяти запечатлелась картина борьбы со святым источником. Вся поляна, где был родник, сочилась жидкой грязью, была завалена хворостом. Люди, пришедшие за водой, стояли молча и смотрели на то

место, которое еще вчера было колодцем. Это был порыв атеистической борьбы. Сейчас каждое дерево вокруг колодца увешано иконами. Это и есть то дышло, которое можно вертеть в любую сторону.

В самом темном месте по пути к колодцу фонарь высветил лежащую фигуру женщины. «Что»,— только и удалось в растерянности выдавить мне из себя. «Идите, плачу я»,— твердым голосом безо всякого намека на слезы ответила она. «Ну, понятно, женщину выгнали из дома, она лежит и плачет»,— говорило дневное сознание. И только цвет ее волос с желтоватым отливом, такой, какой бывает у скандинавов, у солисток Бони М, наконец, смутил меня. Да еще моя собака, которая против всех своих правил промчалась мимо, не обратив никакого внимания на загадочную пришлицу.

Назад я возвращался другой дорогой. Плачу я — наверное, такой ответ я мог бы получить от своей героини на размышления о протекших после ее земной жизни веках.

* * *

Автор присоединяется к поздравлениям по случаю юбилея журнала. Его радует, вдохновляет и восхищает, что литературный журнал под водительством его редактора А. А. Яшина не стал местом идеологической борьбы, бессмысленной и бесполезной. Потому что одно слово правды все равно весь мир перетянет.

Александр Редьков
(г. Пушкин, Санкт-Петербург)

ШАРЖА*

Родился 27.08.1961 года в г. Пушкине. Образование Высшее. Офицер запаса (МВД). Женат — три дочери. В настоящее время работает в охране «Боевое братство-защита». Является членом поискового отряда «Рубеж-2».

Хотя впереди путь неблизкий, выехать из Варшавы генералу Кутшебе удалось только под утро**. Задержались потому, что у полковника Литыньского оказалась целая гора дел в Генеральном штабе Войска Польского***. Въехали на пригорок, и Тадеуш Кутшеба вдруг заметил над горизонтом черное ожерелье. Оно будто неподвижно висело в рассветном небе. Генерал не отрывал от него взгляда. Догадался — самолеты. Много самолетов.

— И левее тоже летят,— сказал тихо. Беспokoйно заворочался на заднем сиденье начштаба Станислав Литыньский. Пригнув голову над передней спинкой, он вглядывался в высь и будто простонал:

— Немцы. Неужели действительно война?.. Или очередная провокация?..

— Война,— сумрачно сказал Кутшеба. И он теперь видел слева в утреннем небе армаду машин. Еще минута — и передний косяк будет над ними.

— А может, наши — «Лоси»? — неуверенно высказал предположение Литыньский.

В груди генерала тоже шевельнулась надежда: вдруг это английская авиация? И он дотронулся рукой до локтя водителя:

— Остановись.

Машина замедлила бег и остановилась на обочине. Все вышли на дорогу. Самолеты грохотали уже почти над головами. Высвеченные из-за горизонта, они больше не казались черными. Чернели только кресты в белой обводке на желтоватых крыльях.

— Идут на Варшаву,— прошептал генерал Кутшеба.

— Будем надеяться, что наблюдательные посты не дремлют.

Первого сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года гитлеровская Герма-

---

* Шаржа — (Sharza). В польском языке обозначает заключительную фазу кавалерийской атаки (битва, бой, рубка).

** Генерал дивизии Тадеуш Кутшеба (15.04.1886, Краков — 8.01.1947, Лондон). В 1939 году командовал армией «Познань». Под его командованием войска армии «Познань» нанесли контрудар на реке Бзуре (8.09 — 22.09.1939 г.). 28.09.1939 г. подписал акт почетной капитуляции Варшавы, согласно которому офицерам сохраняли холодное оружие, сержантов и рядовых после формальной проверки отпускали по домам. Этот пункт, касающийся роспуска по домам, был нарушен. С сентября 1939 года по апрель 1945 года находился в немецком плену, затем в эмиграции. Умер в Лондоне.

*** Станислав Литыньский начштаба армии «Познань». 28 сентября 1895 Станислав — 18 апреля Лондон. В плену с 28 сентября 1939 — апрель 1945. С 1 января 1964 генерал бригады.

ния без объявления войны напала на Польшу. В приграничье завязались тяжелые бои. К пятому сентября гитлеровские захватчики прорвали оборону поляков на границе и вышли в районы центральной Польши. Шестого сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года десятая немецкая армия под командованием генерала Вальтера фон Рейхенау закончила перегруппировку и продолжила наступление на Варшаву*. Ее танковые дивизии, обходя опорные пункты и узлы обороны поляков, не ввязываясь в затяжные бои, двинулись на восток. В районе Томашува-Мазовецкого немецкие танкисты нашли бреши в польской обороне. Вскоре перед четвертой танковой дивизией генерала Георга-Ханса Рейнхардта не оказалось противника и открылось свободное шоссе на Варшаву**.

Немецкие танки оторвались от общего фронта до семидесяти километров. Вечером восьмого сентября гитлеровские танки с юго-востока ворвались на окраины столицы. Захватчики двинулись в район «Охоты» и попали под прицельный огонь солдат гарнизона города. Девятого сентября немцы провели три неудачных атаки. Два немецких легких танка сумели прорваться в жилые кварталы и подверглись нападению горожан. Жители, вооруженные бутылками с зажигательной смесью и даже кухонными тесаками, уничтожили эти машины. Еще одна атака немцев провалилась в ночь на одиннадцатое сентября. Гитлеровские машины, лишенные на узких улицах возможности маневрировать, становились легкими мишенями. Дивизия потеряла за три дня боев безвозвратно сорок пять танков. Несколько десятков танков получили серьезные повреждения и находились в ремонте. Большой урон врагу нанесла польская тяжелая артиллерия. В этих условиях нельзя и думать о захвате города. Танкисты перешли к обороне. Дождаясь подхода основных сил армии...

Параллельно на левом фланге десятой армии наступала восьмая немецкая армия генерала Йоханнеса фон Бласковица***.

Ее многокилометровые колонны без опаски выдвигались к польской столице. Авиаразведка доложила командующему: в полосе его армии не обнаружено ни одного крупного польского соединения.

Немецкий генерал полагал, что отступающая севернее его армии польская группировка в спешке без боя бежала к Варшаве. Для генерала Бласковица, как гром среди ясного неба прозвучал доклад дежурного штабного офицера. Пехотные дивизии армии подверглись на широком фронте атакам крупных сил поляков, которых поддерживала огнем дальнобойная артиллерия. Почти что полностью разбиты тридцатая и семнадцатая дивизии пехоты.

Польская армия «Познань» генерала Тадеуша Кутшебы перешла в наступление ночью девятого сентября. Армия из-за угрозы гитлеровских фланговых охватов отступала больше недели так и не вступившая в сражение, когда враг захватил уже большую часть Польши. Между группами армий «Юг» и «Север» по дуге, образуемой реками Одер и Варта, гитлеровское командование оставило минимальное количество войск. Здесь первого сентября не были нанесены основные удары. Эти немецкие части должны своими действиями ввести противника в заблуждение относительно направлений главных ударов и сковать польскую армию «Познань». Генерал Кутшеба с первых дней войны просил разрешение у Верховного Главнокомандующего маршала Рядз-Смиглы произвести контрудар во фланг наступающей восьмой

---

* Вальтер фон Рейхенау (8 октября 1884 — 17 января 1942) — генерал-фельдмаршал (с 1940).

** Георг Ханс Райнхардт; (1 марта 1887, Баутцен — 23 ноября 1963, Тегернзе, Бавария) — немецкий военачальник, генерал-полковник вермахта (с января 1942). Кавалер Рыцарского креста с Дубовыми листьями и Мечами.

*** Йоханнес Альбрехт Бласковиц (10 июля 1883 — 5 февраля 1948) — германский военачальник, генерал-полковник, кавалер Рыцарского креста с Дубовыми Листьями и Мечами.

немецкой армии*. Маршал медлил с решением. Наконец генерал Кутшеба получил радиограмму от маршала Рыдзь-Смиглы, содержащую лишь одну фразу — «Солнце встает». Так началась легендарная операция, вошедшая в историю Второй Мировой войны, как «Битва на Бзуре» — самое крупное сражение в Сентябрьской кампании.

Десятого сентября в сражение вступила частично разбитая армия «Поможе» генерала Владислава Бортновского**. Две пехотные дивизии генерала Бортновского и одна кавалерийская бригада попали в окружение. Лишь небольшое количество солдат и офицеров из этих двух дивизий прорвалось сквозь гитлеровское кольцо. Кавбригада понесла тяжелые потери, но сумела сохранить боеспособность. Обе армии, не привлекая внимания вражеской авиации, форсированными ночными маршами прошли до долины реки Бзуры. Наступление войск генерала Кутшебы поставило восьмую немецкую армию в критическое положение. На второй день польского наступления генералу Бласковицу докладывали: польские конные разъезды фланкируют в нескольких километрах от штаба армии. Между уланами и штабом восьмой армией никаких немецких войск нет.

Оборонять штаб нечем...

Пришлось срочно прервать марш на Варшаву части сил десятой армии и одного из корпусов четвертой германских армий. Штурм польской столицы откладывался...

Гитлеровцы бросили пять танковых дивизии из шести имевшихся у них на польском фронте для стабилизации обстановки. Впервые Рундштедту пришлось просить о дополнительной поддержке авиации***. Через несколько дней командование люфтваффе практически отменило все вылеты, не связанные с районом Бзуры. Создав значительный перевес в живой силе и техники, пятнадцатого сентября немцы перешли в контрнаступление против польских войск на Бзурском направлении с целью окружения и уничтожения двух польских армий. К восемнадцатому сентября немцам удалось окружить поляков. Сопротивление обеих польских армий в мешке постепенно ослабевало. Гитлеровцы все туже затягивали петлю. Командарм Тадеуш Кутшеба отдал приказ генералу Франтишкеу Альтеру, командиру двадцать пятой дивизии пехоты****.

— Завтра жаркий денек будет! Переправу удержать нужно во что бы то ни стало. Войска пройти должны!

Генерал Катшуба сформировал из бригад кавалерии Оперативную кавалерийскую группу под командованием генерала Романа Абрахама, в задачу, которой входило взломать оборону гитлеровцев и открытие коридора на Варшаву*****.

Девятнадцатого сентября тысяча девяносто тридцать девятого года четырнадцатый полк Язловецких уланов из Львова подтягивался к месту прорыва, когда послышный прискакал с донесением от командира Оперативной группы генерала Абрахама. Произвести удар сегодня в девятнадцать ноль, ноль...*****

---

* Эдвард Рыдзь-Смиглы (11 марта 1886, Бережаны, ныне Тернопольская область, в то время Галиция составе Австро-Венгрии — 2 декабря 1941, Варшава) польский военачальник и политик, маршал Польши (с 1936), верховный главнокомандующий польской армии в войне 1939 года.

** Владислав Бортновски (12 ноября Радом 1891 — 21 ноября 1966, США) генерал дивизии Войска Польского в плену 21 сентября 1939 — апрель 1945, затем в эмиграции. Умер в США.

*** Карл Рудольф Герд фон Рундштедт немецкий генерал-фельдмаршал (12 декабря 1875 — 24 февраля 1953). В сентябре 1939 года началась война, и фон Рундштедт был призван в армию, возглавил группу армий «Юг».

**** Франтишек Альтер (22 ноября 1889, Львов — 23 января 1945) умер в плену Германия. В плену 28 сентября 1939 — 23 января 1945. Генерал бригады Войска Польского.

***** Роман Абрахам (28 февраля 1891, Львов — 26 августа 1976, Варшава). Генерал бригады Войска Польского. С 15—21 сентября 1939 года командовал Группой Оперативной имени «Романа Абрахама». В плену с 28 сентября — апрель 1945.

***** Поляки сумели прорваться сквозь плотный артиллерийско-пулеметно-танковый огонь противника. Потери составили 105 человек убитыми, 100 ранеными (20 % личного состава полка на момент атаки). Из 100 раненых большое количество попало в плен. Им было обещано освобождение за храбрость, но гитлеровцы не сдержали слово. Признавшихся в своем участии в атаке расстреляли.

Полковник Эдвард Годлевский, высокий, с небольшими темно-русыми залысынами, большим не имеющим морщин лбом, поднятым подбородком и открытым взглядом. Сорокачетырехлетний кавалерист в ладно подогнанной по фигуре форме, все это указывало на его профессионализм кадрового военного, обратился к офицерам своего штаба*:

— Перед нами жестокий, превосходящий нас во многом противник.

— Гитлеровцы подготовили нам жаркую встречу.

— Их танки на нас будут пробовать силу.

— Они за теми высотками сосредотачиваются.— И показал рукой в сторону возвышенности. Полковник прервался и тут же продолжил.

— Приказ, есть приказ.

— У нас нет пути назад.

— Нас ждет Варшава.

— Столица надеется на нас...

Это была третья война на солдатском шляху командира четырнадцатого полка Язловецких уланов из Львова. Возбуждение штабных передавалось лошадям. Кони под седоками гарцевали, вставали на дыбы, натягивали уздечки.

Полковник Эдвард Годлевский решил, что первым на штурм пойдет третий эскадрон. Левее с холма спускались уланы второго эскадрона. В орешник на правом фланге выдвигался первый эскадрон и другие мелкие подразделения, приставшие к полку за последние три дня.

Третий эскадрон спешил по лесной дороге и быстро, как на ученьях, развернулся в подлеске за бором.

В расположение эскадрона влетел на своем коне адъютант командира полка с приказом:

— Первым начать атаку.

Третий эскадрон выравнял подкову построения. Кони мотали головами. Скрипели подпруги. Поручик Мариан Валицкий надел себе на голову кавалерийскую каску и прочно закрепил ее с помощью подбородочного ремня**.

В начищенных до зеркального блеска сапогах, с прямой спиной, с расправленными плечами промчался на переплясывающем коне перед строем уланов, сидящих в седлах. Затем комэск, туго подбирая поводья, продел ладонь, одетую в перчатку из тонкой кожи в темляк...

Подхорунжий Станислав Штурм в свои неполные двадцать лет, светловолосый с лицом неподдающимся загару, с выгоревшими бровями, под которыми глубоко сидели, словно два василька задумчивые глаза. С ямочкой на выдающимся вперед подбородке. Маленьким курносом носом, под которым росли узкие, пшеничные усы, постриженные над верхней губой и закрывавшие уголки рта. Придававшие взрослость его детскому лицу***. Станислав сильно волновался перед боем, задерживая дыхание, ждал команды. Он перевел взгляд на других бойцов его взвода и заметил, что они волнуются не меньше его.

В осенней, вечерней тишине, глухо гудел топот второго эскадрона, строившегося повзводно у подножья холма. На правом фланге грохотал первый эскадрон, разворачиваясь, готовился к бою.

---

* Эдвард Годлевский (10 июля 1895 — май 1945). Генерал бригады Войска Польского. В сентябре 1939 г. командовал 14-м Львовским полком Язловских уланов. Участвовал в партизанском движении в составе Армии Краевой. Арестован гестапо 19 октября 1944 года и отправлен в нацистский концентрационный лагерь Гросс-Розен, где погиб в мае 1945 года.

** Поручик Мариан Валицкий командир третьего эскадрона. Награжден за участие в атаке серебряным крестом ордена Виртутии Миллитарии. Умер от ран полученных в атаке 19 сентября 1939 года.

*** Подхорунжий Станислав Штурм — награжден за участие в атаке серебряным крестом ордена Виртутии Миллитарии (высший военный орден Польши).

Командир третьего эскадрона, Мариан Валецкий посмотрел на наручные часы. Затем вырвал из ножен саблю. Сверкнул обнаженный клинок, накренился вправо, влево и упал вперед, задержавшись в воздухе

Через минуту начнется страшный бой. Не все прорвутся. Лошади будут бродить без всадников и тоскливо ржать, но это будет позже...

— Рассыпаться лавой, и вперед,— в уме представил подхорунжий Штурм команду командира эскадрона. Его конь в предчувствии скорого дела выгнул дугой шею, бил копытом.

— Эскадрон!

— Сабли наголо, пики к бо-о-о-ю, в атаку марш-марш! — приподнявшись в стременах, крикнул команду поручик и отпустил коня. Команду подхватывают по взводам. Эскадрон срывается с места рысью.

Глухо застонала земля от топота сотен копыт. Подхорунжий едва успел опустить пику, как конь, захваченный хлынувшим потоком лошадей, рванулся и понес, набирая прыть. Время, которое казалось, остановилось, теперь летит со стремительной быстротой. Вперед, пришпоривая коня, устремился на темнеющем фоне поля поручик Валицкий.

Уланы третьего эскадрона скакали за ним. Мчится подхорунжий Штурм. Справа от него во весь опор скачет капрал Чех, слева вахмистр Ших, дальше старший улан Кенз. Их могучий, нарастающий крик подхватили бойцы первого эскадрона. Лошади, поджимая ноги, вырвались вперед, оставляя тучи пыли. Кавалеристы молнией неслись по полю. Сквозь режущий свист в ушах подхорунжий услышал стрекотню далеких выстрелов. Первая пуля взвизгнула где-то высоко, оставив тянущийся след в небе. Подхорунжий Штурм до боли прижал к боку древко пики. Его молодая ладонь стала потеть от напряжения. Шум перелетавших пуль заставлял его склонить голову к мокрой шее коня. В лицо бил острый запах конского пота. Вокруг атакующих уланов вздыбилась земля от разрывов вражеских снарядов. Эскадрон, рванувший от бора стройной лавой, рассыпалась повзводно. Командир гитлеровского дивизиона со своего «НП» смотрел сквозь запотевшие стекла артиллерийской стереотрубы. Он видел бурю гряду окопов, где засела немецкая пехота и уланов, с развивающимся знаменем скачущих прямо на них. Гитлеровец отдал команду сменить прицел. Артиллерийские гранаты стали точнее падать в лаву атакующей конницы. Пулеметы без передышки стелили над головами уланов веером разлетающиеся с визгом пули; другие образовывали перед ногами лошадей маленькие фонтанчики пыли. Сумасшествием было продолжать эту атаку навстречу смерти.

Сердце подхорунжего словно замерло, он не чувствовал ничего, кроме звона в ушах.

Первым упал с коня подпоручик Шолц. На него наскочил на своем красноватом рыжим Громе улан Гут. Оглянувшись, подхорунжий увидел, как конь Гута, прыгнув через распластанное на земле тело подпоручика, подломив передние ноги, упал, подогнув шею. Из открытой пасти его скакуна виднелись молодые, белые, здоровые резцы, крепко сидевшие в розоватых деснах. Гут тут же вылетел с коня через его голову.

Подхорунжий не слышал крика Гута, упавшего плашмя и растоптанного копытами жеребца, скакавшего сзади улана, но по лицу бойца понял, что кричал тот нечеловечески страшно.

Все больше становилось лошадей без всадников. Падали кони, падали уланы. Землю засеяли раненые, убитые. Под раненым капралом Феликсом Мазярским, державшим знамя полка, упал конь. В последний момент капрал Мечислав Чех подхватил знамя*. Атака продолжалась.

---

* Капрал Мечислав Чех награжден за участие в прорыве 19 сентября 1939 года серебряным крестом ордена Виртутии Миллитари.

Сквозь пленку слез, надутых ветром, Станислав увидел перед собой бежавших от окопов немцев.

Передние, в том числе и подхорунжий, подлетели к вражеским окопам и легко перескочили их, остальные скакали где-то сзади. Началась рубка...

Воедино слились взрывы, пулеметные очереди, свист сабель, ржание коней, мольбы и ругань на разных языках.

Коренастый рыжеволосый немец, с прочно надетым стальным шлемом, прицелился и выстрелил в голову подхорунжему. Пуля чиркнула вскользь, ее жар обжег, обнаженную лобную часть головы улана. Подхорунжий повел пикой, натягивая изо всей силы поводья. Удар настолько был силен, что пика, пронзив стоящего врага до половины древка, вошла в него. Станислав Штурм не успел, нанеся удар, выдернуть ее. Увидев, как немец, весь переломившись назад, схватил древко оружия длинными пальцами обеих рук. Подхорунжий разжал пальцы, пика осталась в теле гитлеровца. Улан выдернул рукой саблю из ножен. Немцы бежали из окопов в сторону артиллерийских позиций. Над их темно-зелеными касками дыбились уланские лошади.

В другую минуту, подхорунжий, сам не зная для чего, повернул коня. Ему на глаза попался скакавший на взмыленном жеребце мимо него окровавленный поручик Валицкий.

Станислав ударил шпорами своего коня по бокам, тот понес его галопом вперед.

Вдоль траншеи, уходящей в тыл, чуть согнувшись, передвигался немец в пилотке, держа в одной руке карабин с примкнутым штыком.

Штык едва не касался бруствера. Улан догнал его.

Штурм видел стрижиный сзади затылок захватчика, мокрый от пота мундир и распаленный атакой, дыша сумасшедшим воздухом боя, занес саблю, что бы уничтожить врага. Немец услышал топот за спиной, побежал быстрее вдоль траншеи.

Подхорунжий, перевесившись с седла, косо держа клинок, опустил его на шею гитлеровца. Тот без крика прижал к ране ладони свободной руки и повернулся к Станиславу лицом. Подхорунжий проскакал дальше, обернулся к врагу. Улан увидел бледное, вытянутое, искаженное страхом лицо немца.

Захватчик выронил карабин, зажал руками рану, часто вдыхая воздух еще живыми губами.

На спину его мундира ручьем стекала алая кровь.

Подхорунжий встретился с врагом взглядом. На кавалериста смотрели смертным ужасом глаза, зарубленного им гитлеровца. Немец, медленно сгибая колени, упал, обхватив рану руками.

Конь одним прыжком перемахнул через траншею, всхрапнув, понес Станислава Штурма на неприятельские орудия. На поле слышались редяющие выстрелы. Мимо подхорунжего конь протащила мертвого улана. Его сапог застрял в стремени. Животное несло тело всадника, ударяя о землю охваченное всеобщим безумием, творившимся вокруг.

Подхорунжий не узнал улана, увидел коричневый сапог да изорванный мундир. А лава в несколько сотен кавалеристов стремительно неслась на позиции немецкого дивизиона. Станислав влетел на наблюдательный пункт. Немецкий майор понял, что ему не удастся спастись, направил на улана пистолет. Жмурясь, подхорунжий махнул саблём. Удар рассек голову надвое. Офицер упал навзничь, раскинув руки. Глухо стукнулся о землю кусок черепной коробки. На войне своя правда, некрасивая и жестокая...

Они прорвались сквозь опоясанные колючей проволокой боевые порядки гитлеровской пехоты, артиллерии и танков, сквозь море огня и стали. Прорвались там, где

их ждали и приготовили все, что бы уничтожить. Гнедые лошади несли уланов на встречу подвигу и своей победе, которая наступит, но не в том сентябре!

Затихла канонада боя. У подхорунжего, словно свинцом налилась голова. Станислав Штурм слез с коня и забинтовал голову. Мундир со спины был залит запекшейся кровью. В пылу боя подхорунжий не почувствовал, как с десятков мелких осколков от вражеского снаряда, впились в его молодое, мускулистое тело. Мимо него проскакали уланы резервного второго эскадрона. Пронесли на шинели тяжелораненого поручика Мариана Валицкого.

Быстро прогнали пленных гитлеровцев. Они бежали скученной серой колонной, из-под их кованых сапог разлеталась едкая серая пыль. У Станислава ныла голова, болела спина. Он почувствовал жажду. Шатаясь, подошел к коню, снял с седла флягу, белки глаз воспалились от напряжения боя. Сделав несколько глотков, почувствовал, что боль отпустила. Он набрал в ладошки воды и стал смывать с лица грязь и кровавые подтеки.

— Эй, подхорунжий! — крикнул приезжая подпоручик Евгений Ивановский, командир третьего взвода.

— Война не закончилась!

Вперед, на помощь к Варшаве!!!!

Четырнадцатый полк Язловецких уланов стал первым подразделением армии «Познань», которой пробился к окруженной Варшаве и принял активное участие в обороне столицы...

Они открыли дорогу остальным на Варшаву. Они, хоть и на небольшое время, дали надежду защитникам столицы, подняли в варшавянах боевой дух, веру в победу...

В двадцатых числах сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года открылась дверь в палату Варшавского госпиталя на Иерусалимской аллее.

На пороге стоял боец, у которого была перевязана голова и грудь. На плечах висел не застегнутый, испачканный кровью мундир подхорунжего кавалерии с серебряным крестом ордена «Виртии Миллитарии».

Улан посмотрел вокруг и старался сказать довольно громко, чтобы услышали все обитатели огромной палаты.

— Армия «Познань» прибыла...

Выбрал не занятую кровать. Шатаясь без посторонней помощи, подошел к заправленной койке и аккуратно лег грудью...

P.S.

За ним последовали и другие кавалерийские подразделения ОКГ. Они сразу же оставляли лошадей и включались в оборону Варшавы.

Генерал Тадеуш Кутшеба прибыл в Варшаву...

Остальные пытались прорваться к Варшаве через Пушу (в общей сложности в Варшаву прошли около 30 тысяч солдат). Некоторые подразделения сумели добраться до Модлина.

В плен попали 170 тысяч человек. В том числе и генерал Владислав Бортновский.

Так завершилась битва над Бзурой...

Тамара Булевич
(г. Красноярск)

ПЛАЧ РЯБИНЫ

Исцеление тайгой

Редкий прискальный лес наполнился сизой мглой, когда Егор Дёмин, ломая литыми сапогами тяжелые, скользкие ветки, с полудня накиданные вздорным ветром, не топясь, шел своей тропой к стойбищу байкитского друга Михаила Монго. «Ого-го, батюшка ветрило, покуролесил ты здесь вволюшку, поиграл силой немереной. Ишь, сухача-то да веток навалил! А все под ноги метил! Скачу вот через твои заломы козликком», — ворчливо думал Егор.

Но, несмотря на оставленные позади длинные пешие версты по бездорожью, он чувствовал себя лучше, чем дома.

Острая боль в сердце притупилась, стихла. Исчезла с утра донимавшая его тревожная дрожь. Так происходило всякий раз, когда он в полном отчаянии уходил из поселка в тайгу. И только события минувшего дня не давали покоя. Егор, бередя измученную душу, вновь и вновь возвращался к ним.

«Повадилась Мария в дом алкашек водить... этих ненавистных синюшных куриц. Пели тут хором: «Дай на бутылку, дай!» Из дома-то тащить нечего, уж пропито ими до последней тряпки. Остались ухват да железна кровать, не гожие никому. Дожился, все документы с собой ношу, который год в одном костюме хожу, до дыр протертом. И вовсе не потому, что купить не на что: Мария тут же уволокет ценную вещь и продаст за шкалик. Тряпья-то не жалко. Его на магазинских прилавках полно, а вот без нужной бумажки человек — никто. Вчерась вышвырнул за ворота их... пьянь такую... вместе с Марией и потопал на работу. В отпуске дома один-одинешенек. Обмолвиться не с кем. Онемел уж. А там хоть с людьми, хоть с печами потолковать можно. Всегда разговор и дела найдутся».

Двоякое чувство переполняло Дёмина после разговора с Нелюдовым. С одной стороны, было даже отрадно, наконец-то освободил душу, высказал Дмитрию Николаевичу давно наболевшее, кусаче зудящее, давно требующее выплеска наружу, с другой — понимал: такая «беседа» с первым секретарем для него бесследно не пройдет.

«Остался в зиму без работы, а может быть, и того хуже... Вот чертяка, лезет и лезет в голову. Белого света из-за него не вижу».

А по всему лесу весело гомонили птицы. Уставшие от непогоды, они солидно и безбоязненно расселись на сухостое, молодом ельнике, чистили перышки и мирно переговаривались между собою, не замечая посторонних любопытных глаз. Им было не до Егора.

В нише скалы на остром выступе примостился мелкий соколок — пустельга. Намокший и отяжелевший длинный хвост тянул его с карниза вниз. Но сокол только глубже вонзал черные когти в слоистый известняк. При этом часто и смешно тряся на одном месте. Потом растопыривал пеструю перьевую шубку, приподнимая крылья, словно проветривая, и звонко кли-кли-кликал.

Дёмин остановился напротив, беспрепятственно разглядывая рыже-бурого трясуна. Приподнявшись на цыпочки, легонько дотронулся до него вытянутой вверх рукой, но птица не обращала на прохожего путника никакого внимания, занимаясь своим неотложным делом.

«Голосом-то схож с чеглоком. Только у пустельги покрик повыше, позабористей».

И тут, урезонивая поклик горделивого соколка, на ближней сосне отозвалась спокойной, мелодичной песней парочка белых куропаток: «кёрр... эр-эр-эрр», беззаботно раскачиваясь на ветках в трех метрах от человека. Егору отчетливо были видны их бруснично-красные, вздрагивающие при пении брови.

До стойбища оставалось не более пятисот шагов. Сотни раз хоженую тропу Егор знал настолько, что мог пройти по ней с завязанными глазами. Дальше та спустится к плоскогорью, лес уплотнится, плавно переходя в темнохвойный кедровник. Дёмин не удержался и быстро пошел в глубь вековых кедрочей, под которыми всегда находил, семейство за семейством, крепкие и мясистые рыжики. И теперь надеялся срезать к столу несколько десятков, но так сдавило в груди, что присел на траву.

«Нет... может, и наступает мой час, но надо хоть самому перед собой выговориться. Авось и душе полегчает. Ишь, как расхотелось сердчишко из-за ненавистного начальника. Все нутро морщит, как об нем думать начинаю».

Дёмин сорвал сочные веточки брусничника и стал разминать их дрожащими пальцами.

«Принесла ж нечистая именно в тот час... На ловца и зверь бежит. Какое ему дело до раствора? Сколько требуется, столько и замешу. Своды в печках кое-где подмазать. Вот и взял в гараже старый горшок из-под цветов, приготовленный уборщицей на выброс. «Ты еще в стакане бы развел. Боишься ведром надсадиться!» Сам-то гвоздя в стену не вбил, а туды ж! С указкой рабочему человеку. Конечно, сорвался я, попер буром. «Чего,— говорю,— тыкаете. В деды гожусь, а вы мне, фронтовику, тыкаете. С трибуны-то сладкими речами рассыпаетесь. Только и помните об нас в День Победы. А так-то больше брезгуете да сторонитесь старой гвардии. Много знаем про вас и не боимся правдой-маткой по вашим бесстыжим глазам стегануть».

Закат догорел, медленно сползая за утес. В лесу стало быстро темнеть. Со стойбища доносился приветливый визг лаек. Из голосистого хора выделялся знакомый, низкий, с хрипотцой, приближающийся к Дёмину лай. Это одноглазый Пират несся ему навстречу. Однако вскоре притих, как-то трусливо лая, потом и вовсе затих. Боль улеглась, и Егор, сорвав пригоршню ярких рыжиков и продолжая всматриваться в кроны поющих деревьев, споткнулся о торчащий из-под земли корень, глянул на тропу, ставшую в сумерках едва заметной. Неподалеку от него лежало что-то темное, похожее на невысокий, пушистый кустик.

«Надо же, медвежонок!»

Увидев незнакомца, тот попытался подняться на лапы, но, громко застонав, завалился на бок. Дёмин склонился над ним. Пушистик рыкнул и протяжно замычал. «Да ты, дружок, весь в крови. Како же чудище поранило тебя? Коль кровь не запеклась, то случившемуся и часу не прошло. А я-то думал, ослышался, когда старое ухо уловило далекий, приглушенный щелчок. Знать, браконьершико, труба ему в дышло, в тот миг татем прошмыгнул по мишиному угодию. Повстречался с медведицей. С тобой, малыш, спаскудничал. Вот же сволота, нелюдь! Летом на медведя охота закрыта, да не для всех закон писан. Тунгус, можно, так тебя буду величать? Где ж мамка твоя? Что с нею-то случилось?»

Прикрыв носовым платком сочащуюся кровью холку медвежонка, Егор покрепче прижал его к груди. Тунгус был едва живой. Вздрагивал хрупким тельцем, дыбил шерстку, постанывал.

«Совсем кроха, февральский. Ну-ну! Не кусайся, крепись, звереныш, мигом к моему другу, таежному лекарю, доставлю. Не слышал об нем? Мал еще. Вместе полегчимся. У меня, дружок, тож болячек поднакопилось».

В это время к Егору подполз запыхавшийся Пират, лизнул ему руки, стыдливо пряча морду.

— Привет, Пиратка, привет!

— Чо, сдрефил? Никак хозяина тайги почуял? Дак этот, вишь, кутенок, мал хозяевать-то, к тому ж кровью истек бедолага.

Пират, принимая справедливый выговор, прижал уши, виновато виляя хвостом.

— Все-то, умница, понимаешь. Ладно. Давай скорей вперед, к Мише.

Они ввалились в чум, взмокшие и уставшие.

Маленький, щуплый, верткий, с неседующей головой Михаил Монго тепло поздоровался, прослезился и торопливо коснулся Егорова лица щекой, не знающей бритвы.

— Вот, Миша, принимай подранка. К счастью, на тропе лежал. В честь тебя, вернее сказать, древнего народа, назвал Тунгусом.

Михаил уже мыл руки, достал из старого сундука какие-то коробочки, бутылку спирта, марлю и широкий, с мужскую ладонь, пластырь.

— Моя так здала Егоска, так здала! — а сам быстро растирал в порошок белые таблетки, свертывал тампонами нарезанные марлевые ленты.— Егоска, дерзы Тунгуса, буду мыть, мала-мала резать.

— Миш, чо, не знаешь?! Ты ж друг. Посочувствуй, не могу я на это действие смотреть. Боюсь.

— Однако некогда сипко много говори! Нюхай насытырь и работай! Такой ботцой, стыдно!

Он накрыл полиэтиленом сундук, положил на него медвежонка и принялся чистить рану. Тот визжал, вырывался из лопатистых рук Егора, но силенки его были на исходе.

— Хорошо, баркачанка*, хорошо! Моя твоя люби. Больно не делай, залей.

Егор приловчился и уже крепко держал малыша. Когда операция наконец-то завершилась, «ассистент» Дёмин, дрожащий и бледный, тут же повалился на пол.

— Скоро пей, Егоска, валерянка, она помогай. Твоя, однако, сопсем слабый. Ай-яй!

А Пират, распластавшись возле Егора, от избытка любви и жалости к гостю обслонявил тому лицо и руки, бил хвостом по ногам, словно торопил подняться. Привык при встречах с ним класть свою взлохмаченную голову на дёминские колени.

Михаил определил медвежонка на ночлег за нарами, положив его на мягкий еловый лапник. И хотя тот сам улегся на здоровый бочок, лекарь привязал его потуже к стойке чума.

— Моя цюм гость пришла — друга Егоска! Миса знай, сто он люби. Миса буди делай кухня эвенка. Нас Алитет, ботцой, однако, писатель, добрый обыцый сеял и говори правду: от еда руси в зивота — один пустота.

И засуетился у очага. Вскоре чум наполнился аппетитным запахом свежей, молодой оленины.

— Всегда так. Со мной тебе вечные хлопоты,— забираясь на нары, извинительным голосом заговорил Егор.

— Молци ус! Моя весна сдала, лето сдала. Скоро тайга белый, а Егоска нету. Твоя понимай, как моя рада?

— И я скучаю по тебе. Мы же со школьной скамьи неразлучны. Ты мне за брата

---

* Баркачан (эвенк.) — медвежонок до 1 года.

и всю родню. Нынче дела мои, Миша, и вовсе плохи. За помощью пришел. Душу тобой облегчить.

— Нис-се-о-о-о! Тайга лечи, моя лечи. Егоска буди хоросо, дуса песни поет. Егоске о своей болезни нада завтра говори. Утро помогат, соньце тепло. Ночью харги, злой духи, месай. Толку мала. Миса знай, кода нада. А щас еси твоя хоцю, моя хоцю.

В чуме от жаркого очага стало нечем дышать. Хозяин задрал пологи — и сразу вокруг чума заплясали по кругу причудливые, быстроногие тени.

— Моя вазенка доить скоро, Егоска огня шевели.

Дёмин подсел к очагу, подгрёб развалившиеся угли под котел с дымящимся мясом, задумался. Навязчивая, никак не прекращающаяся внутри его ссора с Нелюдовым вновь завладела им.

«Как он змеет-то вился да ядовито шипел: «Ты у меня договоришься! Посидишь за решеткой — поумнеешь... если еще хоть раз твякнешь про нас с отцом». Тут уж я на крик перешел: «Гаперечь не 37-й, руки коротки!» И далее сполна выдал про его барство, пьянки-гулянки, про чо люди меж собой шепчутся, да про дворец райкомовский, на субботах всем ессейским миром возводимый. Это для двадцати-то райкомовских чинуш. Кричу: «Не лучше ль отдать хоромы-то фронтовикам, либо старикам да старухам бесприютным? И под детский садик сгодятся — тоже не лишними будут». Тут Нелюдов и вовсе взбесился, слюной брызжет. Давай всяко-разно поносить, оскорблять... Оказывается, за приживалу держит, и проку от меня никакого. Это при одиннадцати-то печках на угле, которые я обслуживаю! Хорек вонючий... Потом метнулся в кабинет да так дверями хлобыстнул, что штукатурка с косяка посыпалась. Пришлось целое ведро замазки заводить, дыры замазывать. Накаркал, злодей!»

Уж за полночь, развалившись на свежих, мягких пыхиках, друзья, сытые и слегка пьяные, обсуждали предстоящую рыбалку. Споря, отбирали нужные блесны под сига. Егор загодя купил их у знакомых промысловиков вместе со спиннингом и двумя удочками. Давно уж привык рыбачить одновременно тремя удищами.

Михаил удочек не признавал, тихо посмеивался над горе-рыбаком.

— Моя лодка ехай, сети стави, мормыска лови. Потом буди считай, сколь твоя уди, сколь моя. Миса сама уха вари у рецьки. Водка брать?

— Как хошь, Миша.

— Хоцю, хоцю! Тута Егоска моя присла!

Вдруг медвежонок заворочался, протяжно застонал. Михаил легко вскочил и наклонился над пациентом. Но тот вроде успокоился, засопел и принялся сосать лапу.

— Ай-яй! Моя забый! Нада еси дай!

Он что-то долго искал в сундуке, отрывисто поругивая себя то на русском, то на эвенкийском. Наконец извлек на свет длинную соску и выскочил из чума. Вернулся с полной бутылкой свежего молока от важеньки. Ловко сунув соску в пасть спящего Тунгуса, стал придерживать бутылку рукой, чтобы баркачану было удобнее сосать.

Егор с восхищением смотрел на заботливого, умелого друга. А медвежонок, насытившись, затих.

Утомленные событиями дня, старые друзья улеглись на нарах и дружно захрапели.

Вскоре их разбудили собаки. Они выли и отчаянно, тревожно, до хрипоты лаяли. Первым ошалело вскочил Михаил.

— Однако, Егоска, ботцой зверя рядом. Моя знай — эта амака*, Тунгускина мамка. Амака злой — плохой. Олень кусай. Нас кусай. Тунгуса нада бистра отдавай.

— Да ты в своем уме, Миш! Скоко крови потерял, ослаб. Рана не закрылась, а ты...

— Егоска родилась, зиви тайга, однако, тайга не понимай! Бери скоро руки бар-

---

* Амака — медведь (эвенк.).

качан. Иди тропа вверх. Моя тебе свети. Зверя не любит огня, боица. Тунгуса скала оставляй. Амака баркачан забирай. Потом, однако, бистра нада в цюма. Так делай.

Егор осторожно взял на руки проснувшегося и встревоженного медвежонка.

— Торопи, Егоска, торопи! Моя знай, всем буди плоха, ай-яй, плоха. Амака чужа крови Тунгуса. Бери плечо рузье, баркачанка неси рука.

— Так же нельзя, Миш! Малыш на лапах не стоит, погибнет ведь!

— Егоска сопсем глупый, без голова! Миса знай! Эта амака думай, ее дети люди забирай. Нада Тунгуса тайгу неси. Не боись, Егоска! Моя твоя прикрывай.

Монго сдернул с крючка новенький карабин, недавно подаренный сыном Николаем. Схватил стоящую за нарами палку с накрученным берестяным факелом, поджег его и выскользнул из чума.

Егор со стареньким карабином за плечами и проснувшимся, тихо мычащим на руках медвежонком поспешил за ним.

Зорька еще пряталась за горами, но небосклон уже высветился ее далекими всполохами.

Егор шел впереди, держа на руках перевязанного широкими бинтами Тунгуса. Нес бережно, стараясь не задевать кровотокающую рану, не причинять малышу дополнительной боли.

Михаил сзади светил факелом под ноги Егору и чутко ловил каждый звук спящего леса.

Собаки бежали по свежему следу медведицы, параллельно тропе, метрах в десяти от хозяина. Подъем становился круче. До скалы оставалось с полкилометра. Где-то рядом заухал филин и, словно сорвавшись с дерева, полетел вниз к кедровнику. Встревожившись, захлопали крыльями проснувшиеся птицы. И снова трусливо заскулили лайки. Не прошло и минуты, как они, притихшие, со вздыбленной шерстью, негромко выли, пристроившись к Михаилу.

— Стой бистро, Егоска! Амака тута! Вот он! Вот...

И взвел курок карабина.

— Не стреляй, Миша! Не стреляй!

Егор увидел впереди себя, в ста метрах, черную, рычащую, движущуюся на него гору. Остановился — и медведица остановилась. Громко пыхтя, присела, будто замерла. Ее отдых длился секунд пять, а показались они вечностью. Конечно же, она тоже устала, пережив тяжкий день, испуг при встрече с плохим человеком, а потом долгий поиск детеныша.

— Пускай баркачанка! Скорей! Хоросо. Молодеца!.. Ходи сюда!

Он направил луч факела в сторону медведицы, напряженно держа на вытянутой правой руке карабин.

Лайки осмелели и попытались ринуться к сидящему зверю.

— Тихо! На земля лезать! Пиратка, к ноге!

Сердито прищелкнул на них Монго. Те послушно прижали уши и слились с тропой.

— Егоска, сагай не бистра, смотри амака лицо. Рузье — на готови! Посли! Моя амака свети. Пускай-пускай Тунгуса на тропа!..

Медвежонок, почуяв медведицу, жалобно мычал, повизгивал. Волоча лапу, прыгая, валясь на камни и вновь поднимаясь, из последних сил тащился к матери.

Медведица, познавшая запах пороха, видящая и сейчас перед собой смертельную опасность, вновь приподнялась на задние лапы. Потом, дико рыча, разбрызгивая по кустам гневную пену, медленно пошла навстречу своему детенышу. Поравнявшись с ним, склонилась, лизнула его в мордочку и легла рядом. Долго обнюхивала пахнущее лекарствами забинтованное тельце. Но не прошло и минуты, как она начала страстно, яростно облизывать тельце своего малыша.

И было видно, как отлетали от него бинты и лейкопластыри...

А Михаил с Егором, видя, что передача Тунгусенка благополучно завершилась, торопливо возвращались на стойбище в плотном окружении очумевших, все понимающих собак. Шли молча, вслушиваясь и оглядываясь.

Но, углубившись в кедровник, расслабились, подали голоса.

— Моя так рада, так рада. Баркачанка буди зивой!

Поднявшаяся над тайгой заря весело раскачивалась у макушек кедров. В чуме пахло мясом и багульником. Надо бы поспать, но до сна ли?! Выпив по стакану крепкого чая, друзья покурили и решили сразу отправиться на рыбалку.

— Вода хорошо нерви леци.

Большое рубленое зимовье, стоящее посредине стойбища, служило Михаилу хранилищем и мастерской. Здесь родственники, помогавшие старику управляться со стадами оленей и домашними делами, шили, украшали бисером одежду из шкур. Умело выделывали на продажу дорогие меха соболей, песцов и чернобурок.

На полках из тесаных досок хранились инструменты, кухонная утварь, постели. По стенам на металлических крюках развешаны сети, мормышки и прочие нехитрые снасти. В самодельных деревянных ящиках лежала разная мелочь, без которой на охоте и рыбалке не обойтись.

Друзья полезли на чердак. Вяленая сохатина висела на длинных толстых жердях, обдуваемая сквозняком и по-хозяйски обернутая цветастыми простынями.

— Ты, Миша,— хозяин. Всюду успеваешь, и старость тебя не гложет.

— Бери, Егоска, домой суха сохатина, увазы моя — охотника. Общай така — нельзя Миса одна еси добыця. Другой люди нада давай. Или духи ругай моя, наказы. А кому Миса дай? Теперя твоя одна и есть моя близкий родня. Другая родня далеко тайга. Сына Колька, собака така, сопсем рет-тко в цьому приеди. Руси стала Колька. Тайга зиви не хоци.

— А чо? Давай, Миша. К сохатинке с детства приучен. Помню, твои родители нам в интернат мешками возили. Таперечь зимой вся еда моя — что отварю картохи чугунок, да с грибам ее, да с черемшой.

— Однако Маса — асис* твоя — не вари?

Егор нахмурился и обреченно махнул рукой.

— Ты, Миш, совсем другую Марию помнишь. Знаю, нравилась тебе. Тогда моя Маша была всем любя. Только где она... та — моя Мария? Война, материнское горе давно счервивили ее. А эта, что осталась... дома почти не бывает. Я ж непьющий, разве с тобой только и выпью пару рюмок. Ей со мной неинтересно. Да, пропащая ее душа...

— Всю зисть хоцю зиви с Егоска. Поцему не могу? Там твоя плоха, моя тута без Егоска тоска. Зацем так? Твоя тайга любит, зиви тайга.

— Спасибо, друг, да не один я и не басурман какой... Хоть Мария давно бомжует, а все ж родная жена. Не брошу. Пропадет. Эта беда ее от сынков наших, войной загубленных. По ним сохла, а последние годы нет-нет, да и напивается. Поначалу думал, чем ей горем захлебываться, так пуцай лучше с подругами веселится. А оно вота как обернулось, веселье-то... Мария не так уж много пьет. Да годы-то каки, хоть и младше меня на десяток лет. А все бабы округ нее... Истые лонтрышки, опоицы. Обобрали нас до нитки. В доме одни стены остались, от стыда да грязи мыкаются. Видать, сей крест до гроба мне несть.

— Поцему Егоска Масу не уци, не побий?

— Все уж испробовал. Таперечь давно руки на нее не подымаю. А ране, бывало,

---

* Асис (эвенк.) — жена

взгревал не раз. Дак где там! По всей фактории дурой носилась: «Убиват, убиват, лешак печной». В сельсовет меня таскали. А вот ее за гульню да пьянство не тревожат. Пробовал взаперти денно-нощно держать. Так всякими хитростями, да сбежит. Видать, возврату ей оттуда не предвидится, как медом там намазано. Скольких мужиков увели с подружками от семей в свою сатанинскую компанию. Счету нет.

— Ай-яй! Егоска не музык! Нада брай толста веревка, ее зопу бий раз, два, три. Буди солкова. А Егоска — буюн.

— Это еще почему?

— Дак олень ботцой-ботцой роги носит, а забодай никого не мозе.

Затарив доверху бочонки, котлы и рюкзаки, друзья погрузили их на тачку и спустились к Подкаменной Тунгуске.

И закипела работа, таинство, можно смело сказать — священнодействие, что всегда предшествует началу настоящей рыбалке на большой рыбной реке.

Егор прошелся вдоль берега и выбрал место попорожистой, где, зная по опыту прошлых лет, обычно плескались непуганые монговскими сетями жирные, серебристые сиги. По совету ессейцев насыпал между валунами вареной пшеничной каши. Старался заметными горками опустить варево на дно, но часть его все-таки вода унесла в стремнину. «И этого хватит. Таперечь сиг сюда валом повалит».

А Михаил выгачил из ивняка лодку и погрузил в нее подаренные Егором сети. Внимательно осмотрел две старенькие мормышки, покрутил их, сложил гармошкой и бросил поверх сетей.

«Моя Егоске показы, как лови стари эвеник».

Монго торопливо исчез за утесом, угрюмо нависшим над темными водами эвенкийской реки-красавицы.

На берегу друзья договорились рыбачить, пока жор не прекратится. Сигналом к завершению рыбалки должен послужить большой Егоров костер.

Оставшись наедине, Дёмин, позабыв про все на свете, поддался азартному, властному желанию наловить как можно больше сига.

Длинный, нескладный, с белой головой на тонкой шее, в стареньком бесцветном трико, в потерявшей четкую полосатость тельняшке, он метался между удилищами и был похож на невиданную никем чудную птицу. Та будто взмахивала крыльями-палками над пенящимися порогами, а то приседала на мокрые камни и почти сливалась с ними. Или вдруг принималась неуклюже прыгать по замшелым, скользким валунам. Едва удерживая равновесие, прилагала видимые усилия, старалась изо всех сил, дабы не спикировать на лету в белогривые, шипящие буруны. Те стремительно уносились за утес от неприветливых, больно их бьющих валунов-разбойников.

Освоившись с «полетами» над удилищами, Егор без продыху делал одну за другой подсечки. Но... увы.

Тунгуска, хотя и чуть рябила, однако, между каменными глыбами, как в больших аквариумах, вода была спокойной. Здесь стайки серебристых туполобых сигов деловито рассматривали непривычный их глазу интерьер. Неторопливо поедали прикорм, с любопытством присматриваясь к чему-то, непривычному глазу, блестящему, похожему на неизвестную мелкую рыбешку.

Самый увесистый сиг, лениво отворачиваясь от незнакомки, задел хвостом вздрогнувшую на струе обманку. Ожившая, та испуганно метнулась под валун. Тут-то ненасытный богатырь молниеносно заглотнул ее.

И... пошла-а-а, пошла рыбка!

Егор едва справлялся с небывалым клевом. Его вместительный короб скоро наполнился до краев. Крышка не закрывалась, а сиг шел и шел.

«Куды мне боле-то! Этого за глаза хватит на уху да посол. Ишо отведу душу, дней впереди — ой-ей!».

Он снял тельняшку, натянул ее поверх перегруженного короба, завязал рукава на два крепких узла и направился с увесистым уловом к берегу.

Над тайгой разгорался жаркий, безветренный день.

Сыто облизываясь, к Егору стрелой летел Пират, видно, тоже удачно порыбачивший в прибрежных зарослях ивняка, куда частенько выбрасывалась ошалелая от ударов о камни разная рыба.

— Чо, Пиратка, небось уж по уши объемишься? А я вот гостинец тебе несу, не побрезгуй, дружок, сигатенкой!

Ласково потрепав пса, Егор развязал короб и бросил ему первого попавшегося в руку сига.

— Ешь, ешь. Жирком обрастай-наливайся. Так-то твое собачье житье-бытье веселей покажется. Да и зима мене кусает, когда шерсть лоснится.

Пират стал играть со скачущей по галечнику рыбой, подкидывая ее сильными лапами выше и выше. С удовольствием понаблюдав за Пиратом, Егор подправил кремнием лезвие таежного ножа и азартно принялся пластать двух-, трехкилограммовых сегов под зимний засол. В его руках всякое дело ладилось. Скоро он добрался до днища короба. Там, повиливая хвостищем, радужно блестя на солнце крупной чешуей, лежал его сегодняшней «первенец». «Не обессудь, придется повременить, другу моему Мише показаться».

Егор саперной лопатой вырыл на берегу яму, залил ее водой и бросил туда красавца-сига. «Не балуй у меня!» — и накрыл его сверху коробом.

Тайга разгоралась багряными пожарищами скоро приближающейся на севере осени.

Брезки стыдливо и робко развесили редкие золотые сережки. Под порывами ветра они разлетались по темной зелени кроны то рваными лоскутами золотой парчи, то ярким кружащимся солнышком, а то повисали кверху дном небывалой формы бокалами.

Рыжими пятнами обозначились в хвойниках еще не вспыхнувшие багрецом осинки.

На взгорке ветер-шалунишка заигрывал с дородными лиственницами, задирая им уже слегка порыжевшие лапы.

Егор на минуту задержал взгляд на лесном просторе и отметил, что лета осталось всего-то на одну ладошку.

— Пойдем-ка, Пиратка, за сушняком. Пора костер разводить, хозяина домой звать. Поди, с уловом умаялся, ишь, запозднил.

Вскоре высокое пламя взвилось на каменистом берегу. Душистый синий дымок потянуло далеко за утес. От таежной красоты и удачной рыбалки на душе у Егора стало немного спокойнее.

«Не довел бы себя до такой раскоряки, если б ушел из райкома после первой же стычки с Нелюдовым. Зря тогда поддался уговорам Светланы Петровны: «Надо дотянуть до нового райкома. Здание передадут другой организации. Где еще найдут такого хозяина печам?» Понятно, Семеновой не хотелось видеть меня «домовничим». Она одна из райкомовских знала все об моей жизни, Марии...

Хотя от себя не убежишь, но как бы легче было сердцу... Лишиться работы — полбеда. На пропитание всегда заработаю. Во все времена русские печи досыта кормили семью. И ноне они в большом спросе. Не об этом печаль. Обидно, стыдно за партию, коей принадлежу и служил верой-правдой до нынешней поры. Таперечь уж не с ней я... Не с нелюдовскими душегубами. Они-то и довели народ до нужды заново перестраивать страну. И опять толком, по-честному, простым людям ничего не сказали. Вот тебе и народ-гегемон!.. Оно, конечно. Какими глазами смотреть-то! Тя-

нули из народа жилы, кричали «ура!», коммунизмом вот-вот обнадеживали. Оказалось, не в ту сторону тянули, не тот социализм построили. Вот же пакостники! И все народные трудовые потуги — коту под хвост. Нынешние вожди не удостоили даже нас, рядовых тружеников, честного разговора. Никто не посчитал нужным, а скорее, не набрался мужества признаться людям в тупости своей, воровстве и предательстве. Нет, Дёмин, с такой шарашконторой заканчивай! Не гегемон ты! Нелюдовские сотоварищи, труба им в дышло, отныне и наперед будут бесчинствовать в партии. Чо путного дале ждать-то?!»

Заслышав всплеск весел, Егор поспешил к реке. Мишина лодка под тяжестью груза осела, едва не зачерпывая краями воду. А сам он, стоя, радостно приветствовал друга поднятыми веслами.

— Где тебя леший носит, сучок ты кедровый?! — нарочито грубо и строго отозвался Егор.

— Моя Егоске рибки красны лови, стерлядки помай, ягоды собирай.

— Вечный трудяга мой неугомонный! Давай уж, помогу выгрузиться.

Они выгасили лодку на берег подалее от воды и начали бросать на брезент улов старого эвенка.

— Вот это тайменище! Да как ты вташил-то его? Ну и ну... Нет, силушка твоя еще годами не отнята. А стерлядки ско-о-ко... Ты ж просто водяной царь, Миша! Это надо так рыбалить! Я сдаюсь. Твоя моя победи!

Михаил заулыбался и занялся котлом под уху. Долго тер его песком, полоскал в реке и только потом, отплыв подалее от ивняка, зачерпнул из стремнины летящей водицы.

— Моя сама уха вари.

Егор перечистил всю рыбу, часть нанизал на ивовую лозу для провяливания, но основной улов засолил в кедровом бочонке. Долго, внимательно освобождал стерлядь от визиги, хорошо промывал ее и бросал на раскаленную сковороду для обжарки.

— Завтра, Миша, тебя пирогом с визигой накормлю. Знаю, любишь. А тайменя сам посоли. У меня энтова навыка нет.

Солнце накалялось на уносящиеся далеко в небо пики вековых хвойников, когда друзья удобно уселись у костра. Михаил наполнил доверху миски с дымящейся ухой и большими кусками добытых ими деликатесов. От котла исходил такой аромат, что сводило скулы от разыгравшегося аппетита.

Ели и пили долго...

Костер давно опал, но друзья поддерживали его слабое горение лапником, который дуновением ветра обдавал их густым смоляным дымом. Благодаря ему, черные тучи голодной мошки оставляли в покое разговорившиеся, истосковавшиеся друг по другу души.

— Так много тебе рассказал. Горько от всего, Миша. Куды ни кинь, везде редька да дрын. Горько думается про наше общее житье. Слушаю, читаю — тоска разъедает душу. Они доперестраиваются! Нутром чую, должен буду и за лес им платить. За угоды, стало быть.

— Егоска умный, моя не понимай...

Миша напряженно вдумывался в сказанное Егором, вытрясая в костер нагар из потрескавшейся трубки. Долго и тщательно набивал ее табаком, раскуривал, втягивая в себя глубоко, до кашля, ядреный дух.

— И за аргиш* деньга дай? Зачем плати? Тайга мой, олень моя — чужой не брал. Моя плати нету. Сказы твой райком, наша Ленин так не делай. Твоя начальник, одна-

---

* Аргиш (эвенк.) — кочевание, перекочевка

ко, сопсем харги — дьявол, задный зверя. Миса так понимай. Еси делай, как он, думай, как он,— беда прииди, всех стани кусай. Сказы ему так, Егоска!

— И не надейся! Он меня не послушает. Кабы грамоты поболе, я бы с ним пободался. А так, кто я для него? Мусор. Дворняга непородистая. Оне — партийное начальство — держатся таперечь вроде графьев. Нелюдов волком глядит, бугаем бычится. Ну и пусть. Хоть возьми самые что ни на есть верхи. Все хитруют. Вокруг да около. Поди, давно уж и без народа со страной сами порешали, расправились. Жаль, решальщики все такие же и есть — нелюдовские. Помяни мое слово, под перестройщиками, труба им в дышло, их командой жить станем. Стая сих волков ни стыда, ни греха не ведает. По райкому вижу, за пять-то лет всего насмотрелся. Блудуют да жируют на народных харчах. Об нашем великом вожде давно позабыли. Даже, бесстыдники, скоморошничают над ним. На кумаче слова его наляпают, вроде поминка... для виду. А сами в бары метят, козе понятно. Ихней своре по-иному править затребовалось. Стало быть, перестроят нас в свою выгоду. Хорошо, коль в живых останемся.

— Не сказы так, Егоска! Почему? Когда беда присла к нам? Моя узе боица.

— А ково нам с тобой бояться-то? Дале севера не сошлют. А он нам — отец родной.

— Однако страсно, Егоска. Моя, твоя кем буди?

— А никем. Были никто — нищими, имя и помрем. Зато нутром нашим, Миша, мы куда побогаче некоторых при власти. Да кто нам в души-то когда заглядывал? Простой люд для них — прах.

— Моя, однако, не знай прах.

— Ну, что ли... горсть пепла вперемешку с землей. Понял?

— Да, понимай.

Друзья замолчали, углубившись в нелегкие раздумья. По их старческим лицам пробегали одна тревожней другой недобрые тени.

— Вот думаю, Миш, об нас с тобой. Не за то мы воевали... Сынов за родину положили... А что она, родина-то, таперечь делает с нами, а? Из года в год тянулись на нее, да легче не ставало. Ты, окромя тайги да аргиша, ничего доброго не видал. Я тоже. Как и сам — силой, нутром — так и гнездовье мое войной обездолены, обкрадены. А без семейной радости — поросли в будущее, какое тепло может быть в доме? Так только, что надо жить. Это и держит на белом свете. Охотничал да печами на хлеб зарабатывал, людям дома согревал. Все ж, Миш, по совести мы с тобой жили, как могли. До десятого пота на страну горбатились, мозоли набивали, сынков растили. Где они, кормильцы-то наши?.. Твои двое в могилах братских, а души моих троих богатырей, видать, так и по сей день над не захороненными телами витают. Как прикажешь такое сердцу переживать, а? Я ж так сынков своих любил... Тебе Господь хоть Николку, поскребыша, отрадой послал, да внучат полдюжины. Мы ж с Марией остались круглыми сиротами. Ни роду, ни племени.

Егор уже не мог сдерживать слезы, разрыдался. Михаил, стирая влагу с худого лица, участливо прислонился к плечу друга. Всклипывая, Дёмин тихо продолжил:

— Чужой копейки с тобой, брат, не поимели, совестились, стыдились. А эти мздоимцы, увидишь, землю родную по миру пустят, продадут и предадут ее, матушку, святыню... икону нашу, от врагов во все века боронимую, спасаемую, людской кровушкой окропленную.

— Егоска правду говори!

— До глубокой старости трудом себе хлеб-соль добываем. Тайгой, рекой кормимся. Стало быть, хоть и прах мы, да не пустой, плодородный. На нашем-то прахе всяка добрая травинка охотно вырастет, а то ягель на щипок оленю. На их же прахе, нелюдовских вырождах и предателях, взростится один чертополох, а либо еще какой дурман.

Кострище остыло, гореть в нем было нечему, и друзья отправились на взгорок за валежником. Насобирали сушняка — еле-еле доволокли тяжелые вязанки. И вновь жаркие языки пламени высвечивали и согревали их старческие лица, быстро остывающие на свежем ветру у реки.

— Миш, ты сам видал, знаешь не понаслышке, что коммунистом я был принят в окопе. Вовсе не по принуждению, как злыдни калякают. По собственному большому желанию, по воле вольной, по вере в светлые, пусть и не близкие времена. А тебя, Миш, кто-то в партию насильно тянул? Страшал?!

— Нет-нет, так не был. Миса очень мала-мала понимай мир. Стыдна проси в партия. Давай, Егоска, сказы все, сказы. Дуса открой, я боли друга сама возьми.

— Под пулями за чужие спины твой Егор Демин не прятался. Кровью не раз землю полил. Завсегда за отечество горой стоял. За партию... И до последнего дыха бы с ней был, кабы не стала она другой, чужой, нынешней.

— Кто это есть?

— Кланялся б такой партии до веку низко, если б делами, помыслами чиста была, как наша Светлана Петровна... Одну ее из райкомовцев за коммунистку и своего секретаря признаю. Настоящая партийка. Не для себя живет, для поселка старается. Опять же, за наживой не гонится. Словами да обещаниями души людям не пакостит, не паскудничает. Жалко, поздно пришла на смену нелюдовцам молодая семеновская смена. Вот кому доверил бы свое будущее! Не ошибся б. Однако прохлопала-прозевала партия свое золотое времечко. Не ее таперечь оно. А грядет смрадное, не нашенское. И сама она нутро с душком наполнила. Ходит уж под нелюдовской уздой... Только в их упряжи ходить не стану. Другого табуна я конь.

Егор вдруг решительно поднялся, отыскал свой рюкзак и вытащил из него небольшую, завернутый в газету и перевязанный шпагатом сверток. Вспорол его ножом, вынул тоненькую красную книжицу и протянул ее Михаилу.

— Гляди, Миш, запоминай момент. Это мой партийный билет. Нет, не тот, что вручали в окопе и за который я любому выгрыз бы глотку. Мой родной партийный билет где-то в архивах заточен. Вот ему и буду верен, пока бьется мое сердце. А этот...

Егор брезгливо сморщился и бросил свою красную партияную принадлежность в костер.

— Да горите вы синим пламенем, труба вам в дышло, нелюдовские переродыши!

И сел рядом с другом. От волнения ли, быстрого ли отрезвления Егора бил озноб, дергались веки, дрожали руки.

— Слышь, Миш, как волны хлебещутся? Так и бьют по вискам, а сердце галопом скачет... Тревожно, больно мне...

— Моя Егоска уважай, сегда рядом с Егоска!

Прошло три дня и ночи, как Егор потерял сознание несколькими минутами спустя после сожжения своего партбилета. Михаил, не отходя от него с той поры ни на минуту, отчаянно пытался вернуть друга к жизни своими таежными премудростями да камланием.

«Миса мала-мала саман, сына самана. Над Егоской камлай делай, арван-ми* делай».

Напившись настоек из лесных кореньев и трав, Егор беспробудно проваливался из одного сна в другой. Старый эвенк кружил над ним чудо-птицей в блестящем цветном оперении. Со звенящим в быстрых руках отцовским бубном Михаил гортанно распевал одному ему известные заклинания, тряся в трансе до изнеможения, призывая на помощь мудрых духов и отца-шамана.

---

* Арван-ми (эвенк.) — оживление

Но этой неистовой битвы за жизнь друга не видел и не слышал Дёмин, находясь в глубоком, непробудном забытьи. В добрых снах ему светило яркое солнце, он был молодым и счастливым. Снилось, будто к нему в интернат с гостинцами приходили приемные родители, сидели на коленях маленькие вихрастые сынки, и он ласкал их. Потом целовался с красавицей-женой Марией. Угощал за своим столом сигаами и лесными ягодами Светлану Петровну...

Когда Егор открыл глаза, то был удивлен Мишиному наряду. Ни о чем не спросив, одобрительно улыбнулся. Друг показался ему усталым, постаревшим. Но, видя на его лице радостную ответную улыбку, бодро поднялся с нар.

— Я скоренько сбегаяю за чум!

У Егора было приподнятое настроение. Что происходило с ним в эти дни, он не помнил. Никаких болей не чувствовал, и только легкая дрожь в теле вернула его в якобы вчерашний день.

«Вот это порыбалили!».

Заглянув под навес, где обычно Миша держал соленья в зиму, обомлел: ни тачки, ни бочонка с рыбой там не было. И сигов на лозе — тоже. «Да мы чо, сморчки старые, на берегу улов оставили?!»

И пулей влетел в чум. На полу, уткнувшись лицом в золу очага, лежал Миша. Он спал мертвецким сном, и разбудить его Егору не удалось. «А Пиратка-то где?»

Наскоро одевшись, спустился к берегу. Там все добытое ими висело и лежало на прежних местах. Пират, с чувством исполненного долга, устало потянулся и сдал Егору вахту. Голодные, не понимающие, почему хозяин так надолго оставил их на берегу, лайки, однако, не посмели нарушить Мишин строгий приказ: «Сторози!». Освободившись от обязанностей, они мигом взлетели на взгорок, к стойбищу, где в кормушках всегда было чем поживиться.

Дёмин — ходка за ходкой — перетаскивал дорогую добычу под навес. А Михаил продолжал спать.

Уж вечерело, и тихий закат алыми лентами поднебесья закружил над кедровником.

Егор сидел у чума и выстругивал себе палку-искалку, с вилкой на конце для завтрашнего похода по грибы. За рыжиками да груздями.

«Вчера как-то непонятно день закончился. Помню... бросил в огонь партбилет... тот медленно тлел синим, угарным прощанием. И было больно за прожитые годы. Нет, я сказал и сделал все верно: с Нелюдовым... и с партбилетом. Дальше уж ничего не помню. Вроде не пил лишнего».

Слегка пошатываясь, к нему шел Михаил. Он беззубо и широко улыбался.

— Моя, однако, мала-мала спала.

— Ничего себе, «мала-мала», почитай, день-деньской продрыхал. Ране такого за тобой не примечал. Завтра по грибы пойдем.

— Ай-яй! Твоя, Егоска, один ходи. Моя есть охота, тайга.

— Да... вспомнил! Ты ж ими брезгуешь.

— Гриби — поганый. Предки говори, мама говори. Черный дух там живи. Не ешь их, друг Егоска!

— Ну, уж нет! От такой вкуснятины нос воротить — не царское это дело. Я сыроежки жевал, когда по подворью еще с голой попой ползал — и ничего! Она вымахал, здоровенный мужик. Всю войну с тобой по стылым окопам корежились в одних драных шинельках — и не кашлянули! Ты поешь, Миша, сколь знаю тебя — почитай, с малолетства — одну и ту ж небылицу: поганые, поганые... Вовсе мхом порос, пень еловый. Небось, в жильцы третьего тысячелетия попасть метишь? Так подравняйся. В интернате завсегда впереди меня поспешал.

— Моя краска не менял: тайга был, тайга есть.

— Грибы — они, конечно, деликатности требуют. А ты, поди, ешь не те, несъедобные. Хошь, покажу моего вкуса, что и сырыми не потравишься. Вот, к примеру, рыжик, грибок отменный!

— Ай-яй, Егоска... моя тоснит...

Следующий день они провели врозь, занимаясь каждый своим делом. Егор набрал короб с верхом молоденьких рыжиков, сырых мясистых груздей и чуть обозначившихся коричневой шляпкой белых грибов. «На всю зиму наслажденье».

Михаил принес в подарок другу дородную копалуху и трех «зирнющих» уток. Друзья сидели на поляне под навесом и доводили до ума дары тайги. Вечером снова спустились к реке, развели костер.

— Хос, анекдот про цюкцю? Сын Колька науци.

Егор оживился и с любопытством посмотрел на Мишу.

— С тобой не задремлешь!

— Слушай. Сиди цюме муза с зеной. Она спроси:

— «Поцему все зови нас глупи, тупой?»

— «Да ми — во!» — и муза стучи своя голова.

— «Кто-то цюма присла!» — испугалася асис — зена.

— «Сиди ус, моя дверь сама открой», — сказала муза.

Друзья весело рассмеялись.

— Миш, а я тебе быль расскажу... Тут по весне витютень к подворью моему прибился. Морозец в те дни лютовал. А голубок дикий, да умный. Я ему чердак открыл, он и юрк туды. Видать, здорово намерзся. Все живое тепла хочет. Кому непогодь по нутру? Денек отогрелся меж сухих трав да и отыскал в открытой сарайке старое корыто, где осталось пшено от последних кур. Их-то до единой Мария на закусь подружкам снесла. Витютень погостевал ишо пару деньков и улетел. Было это аккурат в день Пасхи. Может, весть мне каку приносил, а, Миш? К чему бы, не знаешь? Ты же, лесной ведун, до всего ушлый. Меж мирами витаешь, людей лечишь. Вот и мне с тобой полегчало.

— Про птица Миса знай! Егоска потом говори.

Ранним утром Егор засобирался домой. Михаил сник, запечалился.

— Не горюй. Ишо приду по осени. Порыбалим.

